

Объединенный институт ядерных исследований

К 70-ЛЕТИЮ
А. Н. СИСАКЯНА

Воспоминания

Дубна 2014

К86

Составители

*Б. М. Старченко, Н. И. Сисакян, И. Ю. Щербакова,
Ю. Г. Шиманская*

Художник *Ю. Г. Мешенков*

В сборнике использованы фотографии из семейных архивов
и архива ОИЯИ.

К 70-летию А. Н. Сисакяна: Воспоминания. — Дубна:
К86 ОИЯИ, 2014. — 110 с., 15 с. фото.

ISBN 978-5-9530-0391-9

Сборник статей-воспоминаний посвящен известному ученому, директору Объединенного института ядерных исследований (2005–2010) академику Алексею Норайровичу Сисакяну (1944–2010).

Воспоминания коллег и друзей об этом замечательном человеке дополнены фотографиями и избранными стихотворениями А. Н. Сисакяна.

ISBN 978-5-9530-0391-9

© Объединенный институт ядерных исследований, Дубна, 2014

Вместо предисловия

В 2014 году Алексею Норайровичу Сисакяну исполнилось бы 70 лет. Он непозволительно рано ушел из жизни, оставив яркий след в воспоминаниях родных, друзей, коллег по работе, простых дубненцев, знавших его по многочисленным перспективным начинаниям институтского (ОИЯИ) и городского масштаба.

Смысл человеческой жизни — это делать то, что приносит удовлетворение. «Человек на своем месте» — это про Алексея Сисакяна. Он был креативен — способен к творческому решению проблем. Он смог самореализоваться.

В нем сочеталась мягкая армянская хитрость и русская душевная простота, что, несомненно, приводило к лиризму, такому обволакивающему собеседника пониманию. Лирика проявлялась у него не только в характере, но и в жизненных ситуациях. Любил жизнь, любил природу, любил женщин: «Как упоительны в России вечера...»

Такие люди отличаются жизнерадостностью. Их жизнь полна ярких событий, наполнена чувствами и эмоциями. Они радуются всему: не только рассветам, пению птиц, но даже хмуromу дождю.

Детство и юность Алексея Сисакяна прошли в Москве, но вся сознательная жизнь (более 40 лет) — в Дубне. Он любил этот город, гордился достижениями Института, вел огромную работу по сохранению традиций и развитию ОИЯИ, стал его директором. Неравнодушный подход и неподдельная заинтересованность помогали ему быть в курсе всех важных событий жизни города. Мало что происходило без его участия, его конструктивного вклада в решение проблем.

Алексей Норайрович любил родителей, чтит их память. Любил семью и был любим. Уважал и преклонялся перед учителем — Н. Н. Боголюбовым. Был молод душой и внимателен к молодежи. Смотрел в будущее, понимал масштаб и значение сотрудничества в науке.

Роль человека в соответствующих обстоятельствах определяет наше к нему отношение. «Во всем мне хочется дойти до самой сути. В работе, в поисках пути, в сердечной смуте» — это близкая для Алексея Сисакяна позиция. Нельзя не оценить его желание не потерять равновесие в этом изменчивом мире, сохранить неизменные ценности и принципы. И опять его любимый Борис Пастернак:

Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?

Эта книга позволит продлить время памяти об Алексее Нораировиче Сисакяне. Расскажет о дружбе и творчестве неординарной личности.

Б. М. СТАРЧЕНКО

Знаете, каким он братом был?..

Умным, добрым, преданным, надежным... Впрочем, таким же он был и для своих друзей, обрастая ими со средней школы, со студенческой скамьи, с первых и до последних лет работы в ОИЯИ. Таким он был и для многих своих коллег и сотрудников. Загляните в его стихи: сколько сердечных строк посвятил он не только отцу, маме, жене, старшей и младшей дочери, но и своим друзьям и просто людям — знакомым и незнакомым! Скольких он оплакал в своих стихах, тяжело переживая кончину Миши Савельева, Лени Слепченко, дубненского физика и поэта, пропавшего в горах Алушты, Н. Н. Боголюбова, Юры Недачина и многих других. Среди опор, которые помогали ему переносить жесточайшие удары судьбы, он не единожды называет «дружбу, творчество, память», ставя взаимоотношения людей на первое место. «Более теплого человека, чем Алеша Сисакян, я в своей жизни не встречала», — довелось услышать однажды. К сожалению, далеко не все из окружавших его заслуживали расположения... Однако не знаю, не помню, не слышала, чтобы он кого-то презирал, преследовал, ставил палки в колеса, препятствуя творческому росту и карьере... Мог, конечно, взорваться и накричать на человека (чего не бывает в буднях жизни, научной и административной работы), но даже к явным недоброжелателям он относился снисходительно и с юмором. Наиболее беспощадным был к себе: «А к сорока я понял вдруг, что сам себе я лучший друг, и сам себе я злейший враг, и самый наилучший врач, и сам себе — палач» («Прозрение»). Или: «Мне ненависть была не по натуре, умел прощать любимых и врагов, но часто, забывая о фигуре, с друзьями пил до первых петухов. Порой тоска и смутная тревога меня терзают на исходе дня... Я согрешил на свете очень много — простите, если можете, меня» («Простите»). В его душе, делах, в его поэзии всегда пульсировал (пульсирует!) обнаженный нерв сострадания и любви к людям. «И в ваши взглядываюсь лица весь день я, с самого утра. От многих Веры и Добра неповторимый свет струится» («Проходим Дубнь»). Много ли найдется

у современных поэтов стихов, равных Алешиным по силе сочувствия — не себе, родимому, а соотечественникам, на долю которых выпадало и выпадает много страданий. Мысль о них может прийти и на зарубежном курорте, где в толпе беззаботных туристов едва ли встретишь русских старушек, чья «вся-то жизнь теперь — Великий пост» («Старушка в Праге»), и в российской провинции, где, «как исстари, рыбой об лед рвется ввысь из глуши Циолковский, “бедный гений” без слуха поет...» («Оптимистическая трагедия»).

* * *

Из всей нашей семьи Алеша — единственный настоящий москвич. Папа родился 25 января 1907 года в армянском селе Аштарак. Мама — в старинном русском городе Твери — 17 декабря 1910 года, в морозный день святой Варвары Великомученицы. Она появилась на свет слабенькой, боялись, что не выживет, поспешили сразу же окрестить и, недолго думая, назвали Варварой. Потом мама всегда с удовольствием отмечала, что на один и тот же день пришлись три таинства — ее рождение, крещения и наречения. Последний раз она вспоминала об этом, по-моему, 17 декабря 1977 года, когда в календаре сошлись три семерки, а точнее — четыре, так как ей исполнилось тогда 67 лет. Мы с братом Иосифом родились в той же Твери (тогда г. Калинин). Правда, Иосиф Норайрович Сисакян был записан москвичом, в моем же паспорте фигурирует не столица, а город на Волге.

День рождения Алеши — 14 октября 1944 года — выдался промозглым, холодным, шел снег с дождем. Вернувшись из школы, я не нашла дома мамы, а вечером стало известно, что в роддоме имени Крупской у нас родился мальчик. Помню, как, выйдя на тускло освещенную кухню общежития Академии наук на улице Горького, 22 «А», где до 1949 года жила наша семья, услышала, как соседка Ия Александровна Рукавишникова восхищалась Варварой Петровной: «Какая молодец, какая молодец!» В роддом маму провожала, по-моему, соседка по общежитию Евдокия Степановна, добрейшая тетушка Сергея Николаевича Вернова, тогда доктора наук, впоследствии — академика, директора НИИЯФ при МГУ, Героя Социалистического Труда, именем которого названа одна из улиц Дубны. Забирали маму с младенцем из роддома буднично — без машины

и толпы ликующих людей. Насколько помню, была большая путаница с их выпиской из больницы. В результате, за мамой и малышом поехала на трамвае и на трамвае же привезла их домой наша бабушка, Февронья Яковлевна Алексеева. Через три недели детская кроватка опустела, Алешеньку забрали в больницу с подозрением на воспаление легких. Лечил его известный детский врач академик Сперанский, обещавший папе, что его младший сын станет биологом. Мама придавала большое значение тому, что Алеша родился в Покров день, да и сам он видел в этом что-то символическое:

В мой день осенняя листва
К продрогшей мостовой прибита.
Покров святой — всегда защита.
Как, мама, ты была права,
Назвав младенца Алексеем —
Защитником, добро чтоб сеял.
Я сеял — всходы (где они?)
Покажут будущие дни.

(«Покров», 13–14 октября 2004 г.)

Алешу назвали в честь старшего маминого брата — Алексея Петровича Алексеева, кандидата технических наук, которого война застала с семьей в Эстонии. Дослужившись от рядового Красной армии (из-за потери документов) до заместителя командира полка, он погиб в возрасте 37 лет в январе 1944 года в Белоруссии при взятии города Калининичи. Во время одной из своих командировок в те края Алеша отыскал и сфотографировал братскую могилу, где похоронен наш дядя и на обелиске которой ясно прочитывается его имя. Помню, как ночью с 8-го на 9-е мая 1945 года, когда по радио передавали акт о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии, я проснулась от рыданий мамы, которая все повторяла: «Алеша! Алеша!», оплакивая родного человека, не дожившего до победы. Поистине наступал праздник «со слезами на глазах». Наш папа был любимым учеником академика Алексея Николаевича Баха, чье имя носил Институт биохимии АН СССР. Кто-то из его семьи поинтересовался, не в честь ли учителя назвал своего младшего сына ученик. Мама, узнав об этом, заметила, что можно было бы с этим и согласиться. Однако папа не хотел лукавить и сказал, что новорожденный назван в честь Алексея

Петровича Алексева, не вернувшегося с войны. Кстати, дядя Алеша был большим другом и полным ровесником нашего отца. Оба с 1907 года, только Н. Сисакян родился 25 января, а дядя Алеша на день раньше...

Первое послевоенное лето 1945 года и первое лето Алешенькиной жизни мы провели на станции 43-й км по Казанской железной дороге. Друзья и сослуживцы отца — Владимир Александрович Энгельгардт и его жена Милица Николаевна Любимова, работавшая с папой в Институте биохимии, пригласили нас пожить у них на даче. Помню, как их дочь Ляля бдительно оберегала дневной сон моего братишки, спавшего в саду в колясочке, шикая на каждого, кто мог бы его разбудить, поскольку в этом случае она лишалась общества подруги, помогавшей маме нянчить младенца. Жили мы хорошо и дружно. В свободное время играли в городки, ходили в лес. Лялина сестра Наташа учила шестилетнего Ивочку кататься на двухколесном велосипеде. Меня иногда мама посылала в Москву за продуктами. В одну из своих поездок я обнаружила в кастрюльке и съела лежавшую там холодную картошку в мундире, за что мне сильно попало от мамы, поскольку картошка предназначалась для папы. Но то послевоенное лето всегда вспоминаю с благодарностью к людям, пустившим, вероятно в ущерб личному комфорту, на свою небольшую дачку многодетную (с тремя детьми!) семью своего младшего коллеги, спасая ее от духоты и пыли раскаленной Москвы.

С момента своего рождения Алеша неотделим от моей жизни. Помню его ласковым карапузом у меня на руках, поражавшим родных и знакомых тем, что, поднесенный к карте Советского Союза, украшавшей стену нашей комнаты в общежитии, он, натренированный сестрой-школьницей, безошибочно тыкал маленьким пальчиком в точки названных городов Кавказа и Средней Азии, в которых и взрослому-то разобраться трудно. «Алешенька, покажи Тбилиси, Ереван, Баку!» И он показывал. «Алешенька, покажи Фрунзе (теперь Бишкек), Сталинабад (теперь Душанбе), Ташкент и т.п.» — и детский пальчик останавливался в нужном месте. Когда подрос и пошел в школу, мама отметила это событие стихами, из которых помню пару строк: «Возьмет портфельчик новенький своей ручонкой голенькой, сядет он за парту, маленький такой, а на-

пишет буковки, как совсем большой». Перебирая пару лет назад свои залежи в ящиках письменного стола, обнаружила массу поздравительных открыточек, старательно выведенных детским почерком, в которых младший братишка поздравлял «милую Люсеньку» с Новым годом, днем рождения, 8 марта, 1 мая, 7 ноября. Я тогда же сказала Алеше об этом, а показать эти реликвии детства — не успела...

Когда Алеше было восемь лет, произошло его знакомство с моим будущим мужем, тогда студентом третьего курса МИФИ, Ю. А. Будаговым, перешедшее со временем в крепкую дружбу и сотрудничество. Помню, как наш папа, когда Алешенька еще учился на физфаке МГУ, советовался с Юлианом, к кому из физиков-теоретиков ОИЯИ стоит направить сына писать диплом. Супруг назвал Алеко Тавхелидзе и других людей из команды Н. Н. Боголюбова. Папа был лично знаком с Николаем Николаевичем, и тот взял Алешу под свое крыло, помогая ему и когда папы не стало. Алеша потерял отца в двадцать один год. Его младшей дочери Настеньке, когда не стало Алеша, было столько же...

Алексей Норайрович рос, воспитывался, работал в интернациональной среде, в атмосфере не вражды, а дружбы народов. Он был верен ей всю жизнь, гордился своими разноликими корнями. Их олицетворяли его горячо любимые родители — отец-армянин и русская мама:

Во мне одном две силы слиты:
Березы сок и винограда,
И волжскою водой умыты
Седые камни Арарата...
На свет произвели — «Твори!»
Но отделился не от мрака —
От ветхих куполов Твери
И от хачкаров Аштарак...
Истоки те непогрешимы,
И мне бы не споткнуться, ибо...
Спасибо, мудрые вершины,
И, Волга, мать моя, спасибо...

(«Истоки», 1980-е гг.)

Жизнь нашей семьи казалась мне вполне обычной, своего рода нормой бытия. Только с возрастом я поняла, что росла

в семье замечательной — любовью и привязанностью друг к другу, нравственными устоями, преданностью делу — работе и учебе, атмосферой доброжелательности и оптимизма. «Жизнерадостность — мать жизнедеятельности» — один из афоризмов нашей мамы, определявшей «погоду в доме». Агрохимик и почвовед, научная сотрудница одного из институтов Тимирязевской академии, уволившаяся только после рождения третьего ребенка, мама следила за нашей учебой, входила в родительские комитеты школ, где мы учились, никогда не обременяла домашними делами папу, полностью освобождая его для научной работы. Он же, не докучая нравоучениями, воспитывал нас своим примером. Чаще всего я мысленно вижу его за письменным столом — в студенческом общежитии на Каляевской улице, в общежитии Академии наук на улице Горького, в отдельной квартире на Ленинском проспекте, когда он, как писал Алеша в своих стихах, «нас воспитывал узенькой света полоской, что струилась в ночи из его кабинета». Папа обожал детей, боготворил свою Варюшу-джан, голубоглазую русскую красавицу с нежным голоском. Я горячо любила (и люблю) своих братьев, тряслась за них, переживала их болезни, помогала делать уроки. Ни разу не слышала от них грубого слова, а когда они выросли, то стали для меня настоящими друзьями, всегда готовыми дать дельный совет, поговорить по душам, прийти на помощь. Один лишь маленький пример. Однажды, когда все мы, за исключением Юлиана, работавшего в Дубне, жили в квартире на Ленинском, я неожиданно получила известие, что меня где-то через час собирается навестить коллега из Праги, и запаниковала. Папа, по-моему, был в отъезде, мама с четырехлетним нашим сыночком Алесиком — на даче, на моих руках была новорожденная дочка. Времени и настроения для светской жизни в тот вечер у меня не было, чем кормить пражанина не знала. В разгар моих стенаний из своей комнатки вышел Алеша (тогда то ли старшекласник, то ли уже студент физфака МГУ), молча забрал у меня коляску с племянницей, увез в свою комнату и весь вечер нянчил ее, освободив сестру для достойного приема заграничного гостя.

Неожиданно перейдя из младших в старшие братья, и Иосиф, и Алеша естественно влились в компанию моих коллег-славистов, стали непременно участниками наших с Юлиа-

ном семейных праздников, в первую очередь дней рождений, отмечавшихся то на Ленинском проспекте, то на даче в Перхушково. Литературоведческая братия очень скоро оценила общество моих родных, признав их интеллектуальные и нравственные достоинства. Мой супруг Юлиан давно пользовался у них авторитетом (крепчавшим от похода к походу на байдарках, которыми увлекались мы в молодые годы). Что же касается отношения к Алеше и Ивочке, то здесь симпатии моих коллег разделились. Часть их стала фанатами Ивочки, часть — поклонниками Алеша. Впрочем, симпатии были взаимными. В годы «оттепели», годы нашей юности, начинался период, когда молодежь стремилась осваивать точные науки, когда были «физики в почете, а лирики в загоне», чему способствовали и фильмы («Девять дней одного года», «Укрощение огня» и др.), и книги об ученых (например, «Иду на грозу» Д. Гранина, «Белые одежды» В. Дудинцева), и освоение космоса. Однако никто из братьев не был подвержен профессиональному снобизму, а с уважением и интересом относился к гуманитарным наукам, к литературоведению и славистике, составлявшим круг моих интересов. Не последнюю роль здесь сыграли родители, любившие искусство и литературу, часто водившие нас в кино и в театры, благо, жили мы в центре Москвы, где было куда пойти. Мама наша обладала прекрасным литературным слогом, сочиняла стихи, писала изумительные письма и поздравления. Очень рано поэтический талант стал проявляться в Алеше. Помню бессонную ночь с 25 на 26 декабря 1966 года, когда я с детишками должна была лететь в Женеву, где с сентября работал в ЦЕРН мой супруг. В ту ночь я перепечатывала на машинке Алешины юношеские стихи — умные, мелодичные, искренние. Кое-что из них уже успело увидеть свет в газете «Московский университет» за 1964 год. А в газете «Московский комсомолец» еще в 1962 году было напечатано стихотворение «Другу», обозначившее одну из главных тем его позднейшего творчества:

...Сегодня волну серебристую
И светлую солнца нить,
В себе все самое чистое
Другу хочу подарить...

Годы спустя Иосиф Норайрович, узнав, что я на пороге защиты докторской диссертации, сразу же позвонил и попросил разрешения прийти. Я не делала из этого события рекламы и сказала: «Если придешь, мне будет приятно, а если нет, спокойнее». Он пришел с букетом белых хризантем, был до конца, общаясь с моими коллегами, многих из которых хорошо знал, помог убрать посуду после небольшого банкета, отвез меня с цветами и подарками домой. В тот вечер я видела Ивочку в последний раз. На следующий день, 20 октября 1995 года он мне позвонил, а 9 ноября его не стало. На поминках его сотрудники из академического института, который он возглавлял, говорили, как понравилась ему литературоведческая защита, передавали впечатления, которыми он с ними делился.

Витезслав Незвал, чешский поэт, о котором я издала монографию, очень интересовал и Алешу. На одну из его командировок в Прагу пришелся день памяти нашего отца, который скоропостижно скончался 12 марта 1966 года в своем кабинете в Институте биохимии. Алеша рассказал мне, что, оказавшись в памятный день в Праге, вдали от родной могилы, он решил пойти на Вышеградское кладбище, к месту упокоения Витезслава Незвала, который тоже стал для него человеком родным... Один из первых своих официальных визитов на посту директора ОИЯИ Алексей совершил в чешскую столицу, предварительно попросив меня подобрать отрывок из незваловской поэмы «Эдисон», где восславляются победы и муки творчества человека, одержимого своей мечтой. Изданная Библиотекой иностранной литературы в 2007 году антология «Витезслав Незвал. "Удивительный кудесник" чешской поэзии в русской литературе» неожиданно для меня включила в свой состав стихи А. Н. Сисакяна «Преодоление» с эпиграфом из «Эдисона». Самые горячие слова признания, которые получил авторский коллектив трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (Т. 1–2. М., 1997; Т. 3. М., 2001), подготовленной под моим руководством Институтом славяноведения РАН, были сказаны Алешей: «Вы совершили настоящий подвиг». И он был прав, если учитывать и фундаментальность труда, подобного которому не было ни в России, ни за рубежом, и время его создания — 1990-е годы, когда многие специалисты вынуждены были покинуть свой институт, искать работу в коммерческих

фирмах или за рубежом. Все это создавало огромные трудности при работе над «Историей...». Однако наш трехтомник (поддержанный Соросом) был написан, издан и выдвинут на Госпремию, обогнав по рейтингу многие весьма престижные работы. Премию мы не получили, но в историю мировой славы вошли.

Говорят, «легко быть ангелом в раю». Жизнь Алексея Норайровича была отнюдь не райской, а во многом мученической. Не дай Бог никому пережить то, что пережил и всю жизнь переживал после гибели дочки Анечки 18 февраля 1986 года и до конца дней своих Алеша. Здесь нет срока давности, время ничего не лечит, нарастающая с годами тоска по своей кровинушке делает беду лишь сильнее и острее... Алеша нес свое горе с редким мужеством. Достоинство высочайшего уважения и преклонения, что трагическая гибель «светловолосой принцессы рода Сисакианов» не превратила его в мизантропа, не лишила сердечного тепла, творческих сил... Но кто знает, что творилось в его душе, какие муки переживал он один на один с собой бессонными ночами... На помощь, наверное, приходили к нему «дружба, творчество, память» и — любовь. Любовь Наташи, любовь Настеньки, любовь родных и друзей... И ответная любовь к ним Алеша.

...Первым звонком в новогоднюю ночь, который раздавался в семье Будаговых после боя курантов, всегда был звонок Алеша, где бы он в то время ни находился. В ночь на 1 января 2010 года он последний раз поздравил нас с Новым годом, по моему, из Амстердама. Последний раз мы с мужем были у него в гостях в одно из январских воскресений, пришли на обед на час-полтора (я собиралась после этого в бассейн), а засиделись до позднего вечера. Я еще подумала, что редко вижу с Алешей и лучше пропущу бассейн. Потом была еще одна, теперь уже последняя личная встреча с ним — на поминках у Алеко Тавхелидзе в здании Академии наук на Гагаринской площади. Алеша с Наташей только что вернулись из Женевы, сократив там свое пребывание из-за смерти друга. Мы душевно пообщались, Наташа с Алешей поехали в Дубну, а я осталась в Москве. Могла ли я подумать, что через каких-нибудь два месяца буду в этом же зале на поминках моего Алешеньки... По ряду предположений, после февральского визита в Жене-

ву, где ему провели манипуляцию с расширением коронарных сосудов, признанную очень удачной и обещающую десяток лет полноценной жизни, он трижды перенес микроинфаркт, не распознанный «наблюдавшим» его московским профессором, чье имя называть не буду. Алеша стал жертвой своей доброты и доверия к людям. Этот профессор достался Алеше «по наследству» от Иосифа Норайровича. Жизнь ему он не продлил. Логичнее было бы найти для себя нового, более надежного врача, а не пользоваться услугами того, кто не смог помочь родному человеку. Но Алешенька, к сожалению, по доброте душевной доверился старому знакомому и даже увековечил его в стихах («Кардиограмма») и в прозе, посвятив его 80-летию свою последнюю книжку «Анамнез»...

Не могу себе простить, что не откликнулась — из-за усталости и перегруженности работой — на настойчивое приглашение Алеша в один из мартовских дней 2010 года прийти на заключительный концерт и банкет по случаю праздника ОИЯИ и завершения, кажется, заседания Комитета полномочных представителей, на котором А. Н. Сисакяна избрали на второй срок директором ОИЯИ. Не могу себе этого простить... Ведь в Алешиной жизни эти торжества были последними. (Нас же с мужем на праздники ОИЯИ после смерти Алеша уже не приглашали...)

По телефону мы разговаривали с Алешей в его последнюю весну часто. Он рассказывал о своих поездках, в том числе с президентом Д. А. Медведевым в Словакию, сообщил о лекциях на канале «Культура» в рубрике «Academia» в среду 21-го и в четверг 22-го апреля. Я лекции послушала, послала поздравления, он мне оба раза перезвонил, я приставала к нему с глупыми вопросами по физике, он терпеливо разъяснял. В одном из последних телефонных разговоров сказал, что собирался в Женеву и Германию, но из-за исландского вулкана поездки пришлось отменить, но что в четверг 29 апреля они с Наташей улетают отдыхать. В этот день я встречала супруга из командировки. Когда мы ехали с ним в Дубну, позвонил на мобильник Алеша, узнал, что Юлиан вернулся, сказал, что они с Наташей уже на месте и все в порядке. (Мы с ним обычно всегда докладывали друг другу о своих передвижениях по планете.) Это был наш последний разговор. Юля попросил дать ему трубку,

чтобы поговорить с Алешей, я сказала, что, наверное, он очень устал и о делах лучше потом. Юлиан не настаивал, их разговор не состоялся. А супруг мой всего лишь хотел порадовать Алешу положительными откликами сотрудников Фермилаба на Алешины инициативы. На следующий день, 30 апреля, где-то после 11 утра мы с Юлианом получили по эсмэске, где Алеша поздравлял каждого с наступающими майскими праздниками и желал здоровья и благополучия. В ночь на 1 мая 2010 года раздался звонок Наташи с Кипра...

* * *

Сын Нораира Мартиросовича Сисакяна, уроженца армянского села (ныне города) Аштарак, и тверичанки Варвары Петровны Алексеевой родился на закате Покрова дня, а умер — на рассвете 1 мая. Отныне солнечный Первомай превратился для его родных в мрачный день скорби по Алеше — брату, мужу, дяде, отцу, другу. Покров же — день, когда он появился на свет, навсегда останется для русско-армянского клана Сисакянов великим праздником.

...А в памяти моего мобильника живут, терзая душу, поздравления Алеши — с днями рождений, с Рождеством, с праздником весны, с Пасхой, приветы из разных уголков земли. То же обилие добрых пожеланий, которые он изливал на людей с детства. Многие с тех лет изменилось. Но не изменилась, не очерствела — несмотря на все испытания, — глубоко человеческая, искренне расположенная к людям натура моего брата, щедрого на добрые дела и поступки.

Людмила БУДАГОВА

Памяти Алексея Сисакяна, друга и соратника

Мучительно больно говорить и писать об Алексее Норайровиче Сисакяне как о человеке ушедшем. Разум отказывается этому верить. И в глубине души Алексей, которого я всегда считал и до конца моих дней буду считать своим другом и соратником, продолжает незримо оставаться рядом. Как был рядом все эти долгие годы, начиная со времени нашей первой встречи в Лаборатории теоретической физики и до последних своих дней, независимо от того, какие расстояния и места работы нас разделяли.

Голова начинает кружиться от воспоминаний прекрасных лет нашей молодости с ее максимализмом и жадной самовыражения. Признаюсь, что внутренне очень гордился тем, что меня, еще молодого сотрудника, только защитившего кандидатскую диссертацию, решением Н. Н. Боголюбова определили в наставники Алексея и прибывшего на работу вместе с ним Сергея Кулешова. Очень скоро мы так сблизились, что всякая грань между наставником и его подопечными исчезла. Молодость и интерес к жизни объединяли нас. Частенько, собираясь вечером у нас дома, мы просиживали далеко за полночь, обсуждая дела в лаборатории и Институте, спорили о жизни. Среди нас Алексей выделялся огромным, светящимся в его глазах любопытством ко всему, что его окружало, исключительным дружелюбием, неистощимой жадной жизненных впечатлений. Можно сказать, что он жил взахлеб. Оставляла большое впечатление его нежная любовь к своим родителям, сестре и граничащая с преклонением любовь к старшему брату — Иосифу Норайровичу, работавшему в знаменитом Физическом институте им. П. Н. Лебедева Академии наук в Москве.

Годы шли, жизнь разводила нас каждого по своим делам. Судьба распорядилась так, что мне пришлось принять по настоянию своих старших товарищей новое для меня назначение и перейти на работу в только что организованный Институт

ядерных исследований АН СССР в Москве. Из ОИЯИ, из ставшей для меня родной ЛТФ, носящей ныне имя Н. Н. Боголюбова, я уходил с болью в сердце.

Продолжая в душе своей считать себя дубненцем, я отдал работе в Академии более 30 лет. Целая жизнь! Но все эти годы мы сохраняли с Алексеем тесный контакт и близкие дружеские отношения. Нас объединяло многое. И не в последнюю очередь наше отношение к общему учителю — Николаю Николаевичу Боголюбову, нашему общему старшему товарищу и учителю по жизни — Альберту Никифоровичу Тавхелидзе. В немалой степени нас объединяла и схожая судьба, те нелегкие испытания и переживания, с их накалом порой через край, которые достались каждому из нас на нашем поприще в эпоху перестройки, промышленной разрухи и безденежья.

Мы всегда были на связи. Не могу забыть, как в отдельные моменты особенно острых переживаний Алексей приезжал ко мне, чтобы поделиться и вместе поискать выход из ситуации. Однажды, приехав ко мне в Москву, он неожиданно для меня заявил, что не видит возможности дальнейшей работы на своем месте в Институте. Я, по своему опыту зная, как сложности в отношениях между людьми способны стократно увеличить и без того тяжелую ношу руководителя, как мог, пытался развеять это настроение и убедить в том, что от испытаний судьбы не уйти, их можно только претерпеть и тем самым преодолеть.

И все же это были лишь моменты. Чаще всего от Алексея исходила огромная, яркая и добрая, полная радости жизни и тяги к творчеству энергия. Более жизнерадостного человека трудно было бы найти. Он никогда не забывал поздравить с праздником. После успешно прошедшего заседания Ученого совета или Комитета полномочных представителей ОИЯИ спешил поделиться своей радостью по телефону. И в голосе его звучала горячность новых идей, новых планов. Он был переполнен планами и жаждал разделить их с товарищами. Понятие возраста не подходило Алексею. Время и приносимые им испытания лишь делали его мудрее, а поэтическую его натуру шире и богаче. Жизнь его, полная любви, дружеского общения и творчества, казалось, не знает границ.

Известие о смерти Алексея, пришедшее в раннее утро 1 мая 2010 года, ошеломило нас, его друзей и товарищей, своей неоправданностью, своей невозможностью.

Удары судьбы имеют свои законы. Трагический уход Алексея непостижимым образом по-новому сблизил меня с ним, вернув туда, где мы с ним начинали нашу научную жизнь, — в Дубну, которой он отдал лучшие годы своей жизни. И теперь, видя плоды его трудов, его планов, пытаюсь восполнить, насколько это возможно, понесенную Институтом и нашим городом потерю, я каждый день незримо для других мысленно говорю с ним, стараясь понять, что бы он сделал, будь он жив.

Мне посчастливилось близко знать всех директоров Института, представителей двух поколений, двух эпох в жизни страны. И если кратко охарактеризовать вклад Алексея Норайровича Сисакяна в жизнь Института, можно сказать так. Добившись утверждения нового семилетнего плана, он дал мощный пассионарный толчок развитию ОИЯИ, открывающий перед Институтом новые перспективы. Он вложил в него свою душу.

И пусть объем задач, заложенных в план, значительно превышает те финансовые и человеческие ресурсы, которыми располагает сегодня Институт, а система управления Институтом, наследовавшая слабости эпохи «выживания», требует срочного обновления на профессиональной основе и с учетом высоких этических норм. Если нам дорога память об Алексее Норайровиче Сисакяне, мы должны, опираясь на уникальный опыт наших выдающихся ученых, специалистов и талантливую молодежь, на международный авторитет ОИЯИ, сделать все для того, чтобы намеченные семилетним планом рубежи стали реальностью. И я верю, что мы все вместе добьемся этого.

А пока я, собираясь с мыслями по утрам, перед тем как идти на работу, частенько спрашиваю себя, что бы сделал Алексей, будь он сейчас на моем месте. Как когда-то в трудные минуты жизни мысленно спрашивал себя, как поступил бы на моем месте Николай Николаевич Боголюбов.

Так уж устроен человек, что пока он жив, память о дорогих ему людях продолжает жить в нем, когда их уже не стало.

И потому мой друг и соратник Алексей Сисакян всегда незримо будет оставаться рядом со мной.

В. А. МАТВЕЕВ

Воспоминания школьных лет

В 2013 году исполнилось 60 лет с того времени, когда мы познакомились с Алешей Сисакином. Тогда мои родители переехали в другой район Москвы и я был переведен во второй класс той самой школы, где учился Алеша. Это была обычная средняя школа № 16, которая находилась между Большой Калужской улицей (теперь Ленинский проспект) и Донской улицей. Поскольку я был зачислен в параллельный класс, вряд ли мы бы сразу познакомились с ним непосредственно в школе, но судьба распорядилась так, что мы жили в соседних домах, совсем недалеко от школы. Дворы наших больших, тогда нам казалось гигантских, домов «сталинской эпохи» практически смыкались, поэтому, думаю, мы познакомились в первые же дни после моего переезда по дороге из школы или во время прогулок во дворе после уроков.

С тех пор прошло очень много лет, но моя память каким-то невообразимым образом сохранила облик этого подвижного мальчика с живым и любопытным взглядом выразительных глаз. Уже тогда его выделяли стремление к общению и интерес к окружающим его сверстникам — эти качества отличали его в течение всей жизни. Мы быстро подружились — нам нравились одни и те же проделки во дворе во время гулянья, одни и те же девочки в школе, мы охотно делились новостями и обсуждали наши домашние и школьные «дела и заботы».

К 60-летию юбилею Алеши я написал ему стихотворение, которое начиналось вот таким ностальгическим четверостишием:

Ты помнишь, Алеша, Большую Калужскую?
Там рядом мы жили в соседних домах,
И вместе учились мы самому лучшему
В той дружбе, что Богом была нам дана.

Да, конечно, это перепев известного стихотворения, но он не случаен — мы с Алешей с детства увлекались поэзией, и Константин Симонов был для нас одним из самых любимых

поэтов. О поэтических способностях Алеша в школьные годы я еще напишу ниже, хотя сейчас они уже широко известны из его опубликованных поэтических сборников.

О семье, в которой вырос Алеша, у меня остались самые теплые воспоминания. Это была большая семья: бабушка и дедушка, родители Варвара Петровна и Нора́йр Мартиросович, сестра Людмила и брат Иосиф, позже появились Алешины племянники и племянницы. Это был очень гостеприимный дом, в котором с большим вниманием и уважением относились к Алешиным друзьям. Для меня было необычным и забавным, что Варвара Петровна обращалась на «вы» к девочкам и мальчишкам школьного возраста, приходившим в этот дом пообщаться с Алешей. До сих пор помню ее приветливый голос, когда открывалась дверь: «Витя, заходите!» Это звучало даже как-то в рифму.

Ива, как называли Алешиного старшего брата в семье и как называл его я, несмотря на существенную разницу в возрасте, много занимался не только с Алешей, но и с нами, Алешиными друзьями. Помню, он, будучи хорошим спортсменом, организовал в нашей школе спортивную секцию по легкой атлетике, которую с удовольствием посещали ученики младших классов. Но главная роль, которую он сыграл и в моей, и тем более в Алешиной жизни, — это то, что мы стали физиками. Когда мы учились в старших классах, Ива уже заканчивал физический факультет МГУ и учился в аспирантуре, и это определенно повлияло на наше решение поступить учиться туда же, поскольку он приобщил нас к физическим кружкам на факультете. Впоследствии, когда Иосиф Нора́йрович стал хорошо известным физиком, мы во многом следовали его советам и примеру в науке.

В 1960 году, когда мы заканчивали восьмой класс, в стране было принято решение о разделении средних общеобразовательных школ на две категории: школы с производственным обучением, где надо было учиться 11 лет, и обычные школы с десятилетним обучением. К тому времени Алеша, выросший в семье ученых-естествоиспытателей, конечно, уже определился в своих устремлениях, имел несомненные успехи по физике и математике. Оттягивать поступление в университет еще на один год для Алеша было неприемлемым, и он перевелся в де-

вятый класс другой школы, № 17, которая располагалась неподалеку, в Выставочном переулке (теперь улица академика Петровского), и оставалась «десятилеткой». К такому же решению пришел и я, и вот мы, к счастью, вновь продолжали учиться в одной и той же школе и даже в одном классе.

Надо сказать, что нам очень повезло с новой школой. Это было связано, по крайней мере, с двумя обстоятельствами. Во-первых, в ней образовался новый класс, составленный в основном из таких вот устремленных в науку ребят, как мы с Алешей. Во-вторых, коллектив учителей состоял во многом из молодых педагогов, которые были близки нам по духу и интересам. В результате довольно скоро в школе установилось, если можно так сказать, «ученическое самоуправление». В те два года нашей учебы в 17-й школе комитет комсомола школы поочередно возглавляли мы с Алешей, и педсовет во многих случаях приглашал нас принимать участие в решении каких-то школьных проблем и часто прислушивался к мнению школьников в лице комитета комсомола.

Такую же свободу и доверие учителя предоставляли нам и на уроках по различным предметам. Вспоминаются, например, уроки физики, когда наша учительница после объявления новой темы урока вдруг вызывала Сисакяна или Саврина для изложения нового материала (без какой-либо предварительной договоренности). Это, безусловно, вдохновляло нас и, кроме неожиданности, не вызывало каких-то трудностей, поскольку в то время мы уже участвовали в физических олимпиадах и регулярно посещали великолепные лекции по физике и математике в Политехническом музее.

Но наша школьная жизнь была наполнена не только физикой и математикой. Мы были увлечены поэзией и музыкой, сами писали стихи. В небольшой компании близких одноклассников мы регулярно выпускали в школе большую стенгазету (метра три длиной) под названием «О поэтах хороших и разных...». Собираясь своим узким кругом у кого-то дома, мы слушали песни Булата Окуджавы, неофициально тогда распространяемые на магнитофонных пленках, дома у Алеши мы наслаждались классиками западного джаза, слушая пластинки, которые привозил из-за рубежа Алешин папа.

Конечно, Алеша был лидером в нашем общем поэтическом пристрастии того времени. Он много и талантливо писал, и сейчас, к счастью, его стихи, даже шестидесятых годов, опубликованы в нескольких сборниках. По натуре в поэзии, да и в жизни, он был лириком, но в то же время писал и гражданские, и патриотические стихи. Поскольку мы родились с ним с интервалом в полтора месяца и, практически, в преддверии Великой Победы, для меня было очень созвучным и запомнилось на всю жизнь его стихотворение школьных лет, которое начиналось четверостишием:

Солдаты не вернулись с фронта,
Но всем врагам, всем злам назло
Родились мы в сорок четвертом,
Родились, чтобы нам везло...

И нам действительно повезло — это были золотые годы не только для нас, но и для отечественной науки в целом. Успешно был осуществлен атомный проект СССР, начались исследования в области ядерной физики в мирных целях — создан Объединенный институт ядерных исследований в Дубне (который впоследствии возглавил Алеша), в 1961 году советский космонавт Юрий Гагарин осуществил полет в космос, началась эпоха оттепели шестидесятых. Для нас, тогда молодых людей, увлеченных романтикой науки, стихи Роберта Рождественского:

По утрам на планете мирной
Голубая трава в росе...
Я не знаю ваших фамилий, —
Знаю то, что известно всем:
Бесконечно дышит Вселенная,
Мчат ракеты, как сгустки солнца.
Это — ваши мечты и прозрения.
Ваши знания. Ваши бессонницы...

звучали одой науке. В год нашего окончания школы на экраны вышел незабываемый фильм «Девять дней одного года» Михаила Ромма о физиках-ядерщиках, который уже не оставлял в нас сомнений в правильности выбора.

В те же годы, благодаря «шестидесятникам», мы приобщались к новым взглядам на культуру и политическое устройство страны. Помню многочисленные площадки в Москве, которые

мы посещали с Алешей, где выступали со своими стихами Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко и другие любимые нами поэты. Еженедельные встречи многочисленных любителей современной поэзии происходили также у памятника Владимиру Маяковскому на ныне Триумфальной площади. Эти встречи и события очень сильно повлияли на наши души и миропонимание в течение всей нашей последующей жизни. В те же годы мы со своими стихами выступали на районных площадках в концертах школьной самодеятельности.

Кем стать — поэтом-лириком или ученым-прагматиком — вопрос, который в школьные годы мучил Алешу постоянно. Он любил вспоминать стихотворение Бориса Слуцкого:

Что-то физики в почете.
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.

На этот счет я написал тогда шутливое стихотворение как бы от лица девушки, которая равнодушна к Алеше, но не знает, как ей поступить:

Все мальчишки — теоретики, и девчонки — теоретики.
Только я одна не знаю, что мне делать, как мне быть.
Я люблю на небе солнышко и люблю в саду букетики,
А еще хочу я очень все на свете полюбить.
Все мальчишки — только физики, и девчонки — тоже физики,
А весна такая светлая, затопила все кругом —
Запах нежный, упоительный, губы сладкие, как финики,
И закат, такой приветливый, небо кроет янтарем.

Не помню точно когда, в девятом или десятом классе, Алеша написал лирическое стихотворение, которое начиналось четверостишием

Цикады звенят, цикады
Симфонией в тишине —
Сегодня весь мир надо
Другу представить мне...

и которое он посвятил мне. Мне оно очень понравилось, но дело не в этом. Так случилось, что стихотворение прочитала учительница по литературе нашей школы, которая вела уроки в параллельном классе и казалась нам очень мудрой и сама

называла себя «Пифией на треножнике». Она была не очень молодым, но, очевидно, исключительно интеллигентным и опытным педагогом. Мы ее, что называется, боготворили. Она высоко оценила это стихотворение и сказала, что его надо непременно опубликовать. Имея определенный, но нам неизвестный авторитет в литературных кругах, она устроила так, что стихотворение было напечатано в газете «Московский комсомолец». К сожалению, в публикации было изъято последнее четверостишие, где упоминалось любимое нами «Болеро» Раavelя, — по-видимому, в связи с борьбой против «тлетворного влияния западной культуры». Тем не менее это все было бы радостно, если бы наша умудренная учительница не предложила Алеше посвятить свою жизнь поэзии, а не физике, то есть поступить на филологический факультет. При очередной встрече со мной Алеша, рассказав мне это, прямо и мрачно спросил: «А ты как считаешь?» Я, к сожалению, ответил уклончиво — что с учетом его необыкновенных способностей в поэзии такой вариант не может быть исключен. Не сразу, но я понял, что он обиделся, сказав: «Ты что, считаешь, что я слаб в физике?» Я ни в коем случае так не считал, а последующая судьба Алеши показала, что он был силен как в науке, так и в поэзии. Это необыкновенный дар....

Может быть, кому-то не понравится, что в своих воспоминаниях об Алеше я все время пишу «мы», то есть как бы не забываю напомнить и о себе. Поверьте, это происходит естественно, где-то на уровне моего подсознания, поскольку наши помыслы и интересы были настолько переплетены с детства, что описать Алешину жизнь со стороны у меня просто не получается. Я всегда чувствовал, что такое же отношение было и у него ко мне. До последних дней его жизни мы оставались духовно неразделимыми. Да и сейчас в мыслях я постоянно с ним...

В. И. САВРИН

«Дружба. Творчество. Память»

Меньше всего хотелось бы обращаться к документам и уподобляться архивному кроту.

Хотя есть желание вновь открыть папку с десятками файлов — статей, интервью, набросков. Папку с названием «Сисякян».

Все-таки открываю. И нахожу наше редакционное поздравление в связи с 60-летием Алексея Норайровича, написанное в формате традиционных «датских» адресов.

Коллектив редакции и читатели еженедельника «Дубна» горячо и сердечно поздравляют Вас с круглой датой, численное наполнение которой свидетельствует о широких шагах по жизни и свершениях, предпринятых во имя Науки, Содружества, Прогресса... Если задаться целью проследить Ваш творческий путь по страницам газеты — это будет легче легкого. Однако вдумчивый исследователь обратит внимание на то, что в Ваших публикациях не только отражается магистральный путь развития Института, но и в чем-то они (публикации) его опережают. Во всяком случае, Ваши прогнозы и планы на этот счет всегда сбывались...

Быстротекущие хроники нашей жизни запечатлели широкую географию Вашего присутствия как в горячих научных точках мира, так и в локальных сферах городского бытия... Ваши статьи, комментарии, интервью в местной, общероссийской и мировой прессе становятся заметным явлением, формируя новый взгляд на роль науки в жизни современного общества и вместе с тем утверждая непреходящее значение вечных ценностей, основанных на Вере, Надежде, Любви.

Все, о чем хочется вспомнить, происходило не так уж и давно.

Мы познакомились, кажется, в комитете комсомола: Алексей тогда возглавлял совет молодых ученых и специалистов, а я был совсем зеленым журналистом и отвечал в газете «за молодежь». А в комитете, соответственно, «за прессу».

Понятия «пиар» тогда еще не существовало. Однако Алексей, будучи председателем совета молодых ученых и специалистов в ОИЯИ, хорошо осознавал роль и значение прессы. Кстати, его и редактора газеты Светлану Кабанову считаю крестными родителями своей дипломной работы, посвященной именно роли печати в воспитании научной молодежи, которую успешно защитил на журфаке МГУ в 1976 году.

Уже тогда, в 1970-х, Алексей не уставал удивлять своей многовалентностью, как писали когда-то о молодом Флерове. Был душой и заводилой наших дружно отмечавшихся праздников. Чемпионом по прыжкам через стулья. Энергия била в нас через край. Алексей умел, и это многим в его окружении тех лет передавалось, сосредоточиться на главном, что обещало в перспективе дружные всходы.

Первые школы молодых ученых. Первые выпуски лекций для них же... Честно говоря, не хочется продолжать этот перечень. Боюсь пропустить что-то важное. Что сделано, то сделано и остается жить. И в этом жизнь Алексея продолжается.

Хорошо помню его статьи в юбилейных сборниках об отцах-основателях Института и Дубны, которые мне доводилось редактировать. В них отразился его пиетет перед старшим поколением — как беззаветная любовь сына к отцу, чей пример вел и вдохновлял его на пути от стажера-исследователя до директора ОИЯИ. Писал вдохновенно и легко, в правке его воспоминания не нуждались.

Я живу на улице Флерова, ежедневно прохожу мимо дома, где он жил, мимо замечательного памятника Г. Н., изваянного скульптором М. Сагателяном... Недавно имя Флерова было присвоено одному из лучших лицеев города, но без преувеличения могу сказать, что влияние его мы все испытываем, не только сталкиваясь с мемориалами в его честь, а в нашей каждодневной работе...

Идеи Флерова в области ядерной физики, его подход к научной истине, смелость и прозорливость — это замечательное научное наследие и ценность, которая живет с нами и после ухода Георгия Николаевича...*

* Ученый-легенда // Георгий Флеров. Ученый, творец, первопроходец. М., 2008. С. 7–12.

Впервые познакомиться с Михаилом Григорьевичем Мещеряковым мне довелось где-то в середине 60-х годов, когда я еще был студентом физического факультета МГУ... Вспоминая те далекие дни, я всегда думаю, что нам (нашему поколению молодых тогда ученых) фантастически повезло. Романтический ореол вокруг физики воодушевлял нас и в годы студенчества, и в первые годы работы в науке. Этот ореол сохранился в наших душах и по сей день... В плеяде выдающихся ученых Дубны Михаил Григорьевич Мещеряков занимал достойное место не только как крупный физик, но и как человек яркого организаторского таланта, который особенно проявился при создании научной Дубны.*

«Скажи мне, кто твой друг...» В сборнике Алексея Сисакяна «Дружба. Творчество. Память», вышедшем в Дубне в 2009 году, остались живые и яркие образы учителей: Н. Н. Боголюбова, С. Н. Вернова, В. А. Амбарцумяна, Н. С. Амаглобели, Я. А. Смородинского, В. П. Саранцева, Ю. А. Трутнева и многих его близких и друзей. Я часто перечитываю эти воспоминания, иногда они служат мне своеобразным литературным камертоном.

Хорошо помню многие наши встречи «под блокнот» и «под диктофон». Он всегда был сосредоточен и точен в выражениях. Почти в каждом выпуске еженедельника «Дубна» появлялись лаконичные информации о его встречах в российских министерствах и ведомствах, визитах в страны-участницы и крупнейшие мировые центры. Он по-прежнему и даже еще более ценил информационную поддержку на всех уровнях. Привлекал в Дубну ведущих научных журналистов России и многих других стран. И однажды на традиционном брифинге журналистов городских СМИ, подводившем итоги очередного года нового тысячелетия, я вспомнил, что еще в 1977 году наша газета взяла на себя инициативу проведения всесоюзных семинаров «Наука и пресса», на которых и ученые, и журналисты нашли немало интересных для себя тем. И хотя пришли новые времена, но ведь что-то остается? Память? Желание что-то вернуть или сделать по-новому? «Что бы вы могли посоветовать журналистам Дубны в год 50-летия Института и города?» — спросил

* Артистичный М. Г. // Михаил Григорьевич Мещеряков. Дубна, 2000. С. 216–217.

я директора ОИЯИ в канун 2006 года... Привожу полную расшифровку фонограммы его ответа.

...Когда недавно Сергей Миронов собирал круглый стол по поводу интеллектуальных ресурсов России, то предлагалось наладить взаимодействие людей, работающих в науке, с писателями, журналистами, находить общие темы для обсуждения, вести диалог с обществом. Он потом выступал по телевидению и сделал упор на культуру. Это правильно, и, наверное, нужна национальная программа «Культура России». Но туда, конечно, должны входить и образование, и наука, и разные направления искусства. Все это — Культура...*

*А ваш вопрос мне напомнил тоже относительно недавнюю беседу с Олегом Максимовичем Попцовым** — мы обсуждали, как в средствах массовой информации уделять больше внимания науке. Вы видите, что даже такая популярная в прошлом передача, как «Очевидное — невероятное», пошла на ТВЦ в очень неудобное время, при всем том, что Попцов хорошо относится и к Капице, и к науке. Но он ссылаясь на коммерческую сторону вопроса и так далее. Я в связи с этим подумал о том, что надо как-то научиться о науке говорить просто. С одной стороны, обидно, что молодежь может потратить несколько часов на «Дом-2», а полчаса на «Очевидное — невероятное» не хватает. Была элитарная передача Гордона. Я, честно сказать, не считаю себя самым необразованным человеком, но до меня доходило не больше половины того, о чем шла речь. Красивая передача, театральная, позы ведущего эффектные... Но надо, может быть, на каких-то совсем простых вещах сфокусироваться и больше популяризировать науку и создавать образ ученого, что называется, с человеческим лицом. Давайте вспомним фильм «Девять дней одного года». Там, фактически, о науке ничего нет. А есть — взаимоотношения людей. Тем не менее этот фильм Ромма рассматривался как гимн науке, ведь правда? Гимн людям науки, их преданности делу.*

Попробуйте передать то, что будет понятно сегодняшнему школьнику, что сможет его заинтересовать. Мы, вообще-то, немало пишем, но эта литература о науке сегодня вы-

* В то время спикер Совета Федерации.

**В то время генеральный директор ОАО «ТВ Центр» (ТВЦ).

ходит такими малыми тиражами, а кое-что порой так заумно написано, что до школьников все это не доходит. А молодежь, в основном, у компьютеров сидит. И поэтому вот такие электронные проекты, которые осуществляют команда Юрия Панебратцева в Дубне и их коллеги в Брукхейвене, очень важны. Может быть, стоит больше писать о научных династиях. Они в Институте и городе есть, но сами ученые о себе скромно умалчивают.

В октябре 2004-го в нашей «юбилейной» беседе он так ответил на вопрос о том, что более всего его сейчас волнует:

...Стараюсь выработать в себе спокойное отношение и к истории, и к моменту, который мы переживаем. Конечно, у нас бурное время, может быть, даже парадоксальное. Повороты неожиданные. Лет пятнадцать назад многое из того, что сейчас происходит, мы не могли даже предвидеть, правда? Особенно лет двадцать. Время так быстро бежит... Все-таки, видимо, роль каждого поколения, каждого человека — это пронести некую эстафетную палочку от предков до потомков. Это простая истина, но прочувствовать ее необходимо для того, чтобы человечество сохранилось как вид и существовало как самая разумная часть Природы, выполняя свою вселенскую миссию.

31 октября 2013 г.

*Евгений МОЛЧАНОВ,
редактор еженедельника ОИЯИ
«Дубна: наука, сотрудничество, прогресс»*

Сердечная избыточность

Первая моя встреча с А. Н. Сисакяном состоялась на дуэльной дистанции в переполненном актовом зале ЛВЭ. То был конец 1988 года — пик перестроечного бурления, и, хотя лозунг «Вся власть трудовым коллективам!» до транспарантов не дотянул, умонастроения ему, безусловно, соответствовали. Руководство большинства предприятий на недолгий период пошло им навстречу — чисто декоративно, как правило, но порой и по существу. Не осталось в стороне и руководство ОИЯИ, и по лабораториям прошло выдвижение кандидатов на должность вице-директора. В то время А. Н. Сисакян был главным ученым секретарем Института — его кандидатуру и предложила дирекция. Собравшиеся сотрудники ЛВЭ слышали много хороших слов о нем, раздались голоса в его поддержку, и дело шло к запланированному финалу. Тут я попросил слова и сказал, что Сисакян, судя по выступлениям, по-видимому, достойный кандидат, но в нашей лаборатории знают его недостаточно хорошо. А среди нас есть человек, в котором мы все уверены, и я предлагаю выдвинуть от ЛВЭ В. А. Никитина. Вопрос поставили на голосование, и за Никитина проголосовало большинство, причем значительное. Замечу в скобках, что по окончании собрания В. А. Никитин сказал мне, что, вообще-то говоря, следовало бы спросить у него, хочет ли он быть вице-директором.

Такое начало, казалось бы, отнюдь не сулило безоблачных отношений в дальнейшем. Но в отличие от некоторых наших руководителей гораздо более высокого ранга А. Н. Сисакян не был человеком злопамятным. А события развивались таким образом, что, в связи с созданием музея ОИЯИ, возникла необходимость в наших все более тесных контактах. В 1991 году директор Политехнического музея Г. Г. Григорян, специально приглашенный руководством ОИЯИ для консультации, сказал, что директором нашего музея должен быть физик со степенью и с широким кругом гуманитарных интересов. Так я стал директором музея. Существовал он только на бумаге, но, к счастью, в его штате в качестве научного сотрудника уже

числилась В. М. Захарова, и она была не просто энтузиастом, но специалистом с дипломом Историко-архивного института. И вот тут начался самый увлекательный период работы в музее — мы с Верочкой обходили лаборатории и собирали для него экспонаты, и по ходу наших разысканий встретились со многими замечательными людьми — физиками, инженерами, техниками. Их рассказы об истории создания установок — о просчетах и находках, о разных забавных казусах — порой были просто захватывающими.

Мы собрали довольно внушительный набор экспонатов, и 13 марта 1993 года в двух залах Политехнического музея открылась выставка «Научно-технические достижения ОИЯИ», которую чрезвычайно обогатили великолепные работы нашего фотолетописца Ю. А. Туманова. Эта дата и стала днем рождения Музея истории науки и техники ОИЯИ, поскольку именно из экспонатов выставки и составила его экспозиция, примерно из их половины — из-за малости нашего помещения.

Наверное, я слишком подробен в этой части рассказа, но не отошел полностью от главной его темы, потому что на протяжении музейного сюжета мы с Сисакяном стали встречаться все чаще — поначалу только по работе, а затем и по другой линии, но об этом ниже. И при всей его занятости — а став директором ОИЯИ, он и вовсе погрузился в поток неотложных дел, — его всегда отличала активная доброжелательность, готовность помочь, когда возникала необходимость. Он вообще был человеком, наделенным многими дарованиями, и одним из самых ярких из них был его дар общения. Ведь неспроста Политех предоставил нам для выставки два зала: его директор Г. Г. Григорян, конечно же, подпал под обаяние нашего вице-директора. И поэтому же, когда десять лет спустя перед Российским комитетом ИКОМ (Международного совета музеев) остро встал вопрос, где провести очередную отчетно-выборную конференцию — проблема зала, гостиницы и т. д., — его тогдашний президент, все тот же Г. Г. Григорян, обратился именно к Сисакяну. В результате ассамблее был придан статус совместной конференции ИКОМ–ОИЯИ «История науки и музейное дело», и в октябре 2003 года она с успехом прошла в ДМС. В день ее открытия Алексей Норайрович произнес яркую речь — как обычно в подобных случаях, экспромтом и с воодушевлени-

ем — о роли музеев в культуре и о гуманитарной составляющей мировосприятия физиков, а в заключение радушно поприветствовал собравшихся директоров и сотрудников большинства музеев России. И этим выступлением была задана живая, непринужденная тональность всего первого дня конференции, целиком посвященного знакомству ее участников с ОИЯИ. Вслед за Сисакяном с блестящими научно-популярными докладами выступили Ю. Ц. Оганесян и Д. И. Казаков, причем Юрий Цолакович сказал мне, что он выехал из Обнинска в 4 утра — чтобы поспеть вовремя. В. М. Жабицкий рассказал об истории создания и структуре нашего Института, я — о многочисленных поездках сотрудников ОИЯИ по музеям России, организованных нашим Домом ученых. А завершилась утренняя сессия воспоминаниями Ю. С. Замятина о его работе в Сарове и об А. Д. Сахарове, которого он знал еще со школы: они учились в одном классе. После этого нашим гостям показали синхрофазотрон, синхроциклотрон и посвященные Н. Н. Боголюбову, Б. М. Понтекорво и М. Г. Мещерякову фотовыставки в ЛТФ и в ЛИТ, а затем провезли по самым примечательным местам города с заездом в наш музей. Словом, пребывание в Дубне произвело на всех музейщиков настолько сильное впечатление, что впоследствии, еще не один год, я слышал от них благодарные и восхищенные отзывы. И очевидно, что не будь А. Н. Сисакян человеком такого щедрого душевного склада, вряд ли эта конференция состоялась бы в Дубне, а если бы и состоялась, то вряд ли стала бы для ее участников столь памятным событием.

Задолго до этой конференции наши контакты с Алексеем участились и стали более тесными, когда выяснилось, что у обоих один и тот же генетический недуг — писание стихов. Мы стали обмениваться ими и обсуждать их. Стихи его подкупали удивительной душевной распахнутостью и естественностью высказывания, разговорной интонацией. И с той же естественностью — безо всяких авторских амбиций — он реагировал на мои замечания, так же, впрочем, как и я на его критику. В 1999 году в Дубне вышел первый его сборник — «Мой мир зарифмованный». В том же году стихи из этого сборника были напечатаны в № 7 журнала «Юность». «Смотрите, меня напечатали в “Юности”!» — воскликнул Алексей, обращаясь

к окружающим, когда развернул этот номер, взяв его в газетном киоске нашего университета. Если человек способен ликовать, восхищаться и удивляться вот с такой воистину детской непосредственностью, значит, ребенок в нем жив. А это, мне думается, необходимое свойство настоящего поэта, хотя и не единственное.

Особенно интенсивным наше общение стало с лета 2001 года, когда мы с А. С. Шкодой познакомили Алексея с Татьяной Бек — талантливым поэтом и чудесным человеком. После этого по его приглашению она несколько раз приезжала в Дубну, иногда вместе с поэтом Евгением Рейном. Их творческие вечера с успехом прошли в Доме ученых, а в университете они провели цикл бесед о русской поэзии. Вот тогда-то и возникла идея подготовить и издать антологию поэзии физиков Дубны, и Алексей горячо поддержал ее. Я организовал сбор рукописей, а Таня взяла на себя их прочтение и отбор. В 2002 году в издательском отделе ОИЯИ вышел сборник «Физики-лирики». Таня включила в него около 30 стихотворений Сисакяна. А в 2004 году в «Академкниге» вышел второй его сборник «Куст на теплотрассе», и хочется процитировать вот это место из Таниного предисловия к нему: «Впервые прочитав стихи А. Сисакяна в достаточном объеме и с должным вниманием, я — помню — воскликнула в письме к нему: “О, вы поэт нетипичный: донельзя открытый, до странности добрый и какой-то нераздельно грустный-радостный”...» Я бы добавил к этой проникновенной характеристике поэзии Сисакяна свойственные ей энергию мысли, краткость и афористичность. Вот, для примера, стихотворение 2001 года «Константа»:

От пирога нам достаются крохи.
Идут года, сменяются эпохи...
Лишь вечны наши горы и просторы,
Да неизменны дураки и воры.

Это уже не «лирика личной жизни», а лирика гражданская, подтверждение полноты творческого отклика Сисакяна на поток событий, прочувствованное осмысление этого потока.

А в феврале 2005-го Тани не стало — тяжелые переживания выпали ей на долю, и не выдержало ее доброе и ранимое сердце. На поминках Алексей очень сердечно говорил о ней. В том же году в издательстве «Б.С.Г.-Пресс» вышел толстенный

том — «Татьяна Бек. Она и о ней» — с благодарностью ОИЯИ и А. Н. Сисакяну за поддержку, оказанную при издании книги. В ней напечатана и его, пронизанная нежностью и теплом, статья — о Тане и о дубненских страницах ее жизни.

С нежностью и теплом он писал и стихи, посвященные людям, близким его сердцу, и прозу — воспоминания-размышления об ушедших отце, брате и старшей дочери, о своем великом учителе Н. Н. Боголюбове и о себе самом — в детстве — для дочери младшей. И много строчек в этих воспоминаниях посвящено и другим участникам его жизни — жене, сестре, друзьям. Хорошо, что он успел издать свой двухтомник, ставший итоговым.

Сисакян был человеком с талантом быстрого и точного реагирования — иначе он не смог бы стать успешным директором ОИЯИ в непростые времена. Но при всем том его сердце всегда оставалось добрым и чутким — и к своим близким, и к коллегам, и к сотрудникам Института — иначе не писалось бы ему с такой импровизационной легкостью и с такой подкупающей распахнутостью:

Если трудно дышится —
Все равно дыши.
Если трудно пишется —
Не пиши.

Писалось ему легко. А дышалось — все труднее. И надорвалось сердце — самопровидческими стали его строчки из стихотворения «К отцу»:

Не сердечной недостаточностью,
А избыточностью помру...

Январь 2014 г.

Генрих ВАРДЕНГА

Эпизоды моих встреч с А. Н. Сисакяном

С Алексеем Норайровичем Сисакяном я познакомилась в декабре 2000 года. В Архив Российской академии наук, где я тогда работала, позвонили из подмосковной Дубны. Речь шла об архиве академика АН СССР биохимика Норайра Мартirosовича Сисакяна (1907–1966), хранившемся в семье его младшего сына Алексея. Архив был богатый, и это позволило подготовить по его материалам три книги (2003, 2007, 2008) о жизненном и творческом пути основателя научной династии Сисакянов. В процессе этой работы я все больше узнавала как самого Алексея Норайровича, так и документированную историю его детства и юности. Постепенно в моей домашней библиотеке появились книги его стихов с дарственными надписями. Первая из них — «Мой мир зарифмованный» (1999), в которой самым поэтичным мне кажется «Откуда у случайной встречи такая власть...», а самым пророческим — «А к сорока я понял вдруг...».

Помню, привлекла мое внимание семейная переписка лета 1963 года: студент физфака МГУ Алексей Сисакян — в студенческом стройотряде на целине, родители — на отдыхе в Крыму. Целинник переживает: темпы строительства коровника «сбиваются нехваткой бетонных перекрытий», «пионерский лагерь доставляет много забот... с большим трудом идет организация бесед, кружков хоть немного научного характера, ребятишки с низким уровнем знаний», гордится: «Всю неделю готовился праздник “Архимед на целине”, мне была отведена роль бога Аполлона», информирует сестру: «Люсенька, у тебя неверное представление о целинниках-начальниках. Они ходят всегда очень бритые, я бреюсь через два дня. Ходить небритым здесь такое же преступление, как “сачковать”, как нарушать “сухой” закон, как играть в карты». Родители шлют молодым энтузиастам посылки с крымскими фруктами, умоляют сына писать чаще, осторожно критикуют: «Одно только замечание к твоей статье: когда речь идет о людях, то обычно пишут питание,

а когда речь идет о животных, то — кормление». Заключительный абзац уже сентябрьского письма Норайра Сисакяна сыну Алеше: «Мой маршал! ...впервые за последние двенадцать лет 1-го или 2-го сентября ты не ходил в школу или в университет. Но ты впервые в своей сознательной жизни в этот день шел в школу, в школу значительно более сложную и многогранную — школу жизни. Крепко целую тебя и обнимаю. Твой папа».

Мне интересно было слушать суждения Алексея Норайровича по истории науки, об ученых «большой» академии 1940–1960-х годов, о современной России. Помню его слова о «спасительности» для ОИЯИ его международного статуса.

В 2006–2008 годах я получала второе высшее образование в Академии государственной службы при Президенте РФ. На последнем году обучения в нашем учебном расписании появилась тема «Концепции современного естествознания». Можно было заранее выбрать один из вопросов, например, «история ядерной физики» (sic!), и изложить преподавателю свои представления. Не мудрствуя лукаво, я позвонила Алексею Норайровичу и, обрисовав ситуацию, попросила «накидать основные вехи» вопроса. На мою удачу, он смог уделить мне время, и следующие почти полчаса я с усердием конспектировала «фонетическую историю ядерной физики от академика Сисакяна». Изложив конспект преподавателю, я, конечно, получила «отлично». Нечего и говорить, что и тогда, и сейчас я бесконечно благодарна Алексею Норайровичу за внимание к моей просьбе и столь щедрую и действенную помощь.

В какой-то момент я озвучила Алексею Норайровичу высказывание философа и знаменитого мемуариста А. И. Герцена: «Личность — живая сила, могучий бродильный фермент, даже смерть не всегда прекращает ее действие». Он взял эту мысль на вооружение, и в нескольких его выступлениях я слышала эту цитату. В апреле 2010 года на телеканале «Культура» в научно-популярном цикле «Academia» я посмотрела лекции Алексея Норайровича. Отметила для себя два момента: пример с «божьей коровкой и синим китом» в сюжете о Стандартной модели и соседство афоризмов Аристотеля и Сисакяна на «рабочем столе» его ноутбука. «Аристотель, Сисакян рядом — это сильно», — подумала я. Могла ли я тогда представить, что пройдет неделя, и они оба будут принадлежать вечности?

Помню свою предновогоднюю встречу с А. Н. Сисакиным в зале приемов Библиотеки имени Ленина на Воздвиженке. Вечер был организован Международным фондом гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, на открытии выступали Светлана Медведева, министр культуры Александр Авдеев, исполнительный директор фонда бывший посол Армении в России Армен Смбатян. Алексей Норайрович был чем-то очень расстроен, пожалуй, ни до, ни после я не видела его таким. В перерыве спросил, как дела, я рассказала о своей поездке на форум научной и творческой интеллигенции по линии фонда в Таджикистан: как летели самолетом компании «Таджикские авиалинии» со стюардами-таджиками, как нас угощали в центральной чайхане Душанбе жареными перепелами и концертной программой из «танцев живота», о посещении загородной резиденции президента страны, отметив, что Эмомали Рахмонов — красивый мужчина. Возможно, моя словоохотливость немного отвлекла Алексея Норайровича от грустных или неприятных мыслей, он немножко оживился, повторил, глядя в полужаснеженное окно: «Танец живота... красивый мужчина...» И в ответ рассказал, как летал в ЮАР и какие в Южной Африке «особенные голубые слоны».

Как-то я нашла в научном архиве ОИЯИ стенограмму первой после образования Института пресс-конференции в сентябре 1956 года с ответами первого директора ОИЯИ Д. И. Блохинцева на вопросы отечественных и зарубежных корреспондентов. Представитель одной молодежной английской газеты просил объяснить: «Еще вопрос, может быть, он Вам покажется глупым, но мы больше пишем для простых людей, и я хочу спросить: зачем все эти частицы так быстро ходят? (Смех)» Ответ Д. И. Блохинцева начинался с упоминания диалога Фарадея и короля, а заканчивался так: «Мы сейчас отправляемся в совершенно новую область — область физики высоких энергий и физики элементарных частиц <...> и не можем предсказать, что из этого будет в дальнейшем, но вся история, весь опыт учит тому, что когда физики отправляются в новую область, то они оттуда никогда не приходят с пустыми руками». Алексей Норайрович проявил интерес к этому архивному документу. Но полностью ознакомиться с ним уже не успел, уйдя туда, откуда не возвращаются...

Историк Елена КУРАПОВА, Москва

Памяти Алексея Сисакяна

Уход человека из жизни — всегда печальное событие. Когда же уходит человек, стоявший непосредственно у истоков развития крупного научного центра, а последние годы сам активно им руководивший, — это не остается незамеченным в масштабе всей страны и даже далеко за ее границами.

А. Н. Сисакян — фигура, безусловно, знаковая в истории ОИЯИ конца прошлого и начала нового века с точки зрения его славных традиций, трудных дней, его бед и надежд. Он не только свидетель переломных событий, но и активный участник всех преобразований науки в современном обществе. В проекции этих событий на жизнь в Дубне, в организации международного сотрудничества Института, в сохранении его творческого климата, его экономической системы и во многом другом, что определяет положение ОИЯИ в мировой науке. Во всем том, что вселяет в людей уверенность в возможности реализовать свои знания и способности.

Мы еще не полностью почувствовали утрату. Уход из жизни Алексея Сисакяна поднимет волну оценок его роли, результатов его деятельности. В последние годы жизни в создании своей модели развития ОИЯИ он попытался сохранить то, что не следовало разрушать, а использовать или, по крайней мере, учитывать достижения прошлых лет для нового семилетнего плана Института. Общественность еще долго будет активно обсуждать вопросы о том, насколько правильными или неправильными были его видение будущего ОИЯИ и те радикальные преобразования, которые нас ждут в осуществлении научной и экономической программы начавшейся семилетки. Но, определенно, он был автором этих идей и движущей силой в их исполнении. Он провел огромную работу и убедил всех, что в ближайшем будущем Объединенный институт может выйти со своей новой программой развития на самые передовые позиции современной физики. И это необходимо для того, чтобы мы перестали «выживать» или «догонять», а имели бы свое научное лицо, свой стиль и активную жизнь, в меру своих сил и

способностей. В общественном сознании это останется надолго и, наверное, войдет в историю.

Биографам академика А. Н. Сисакяна будет нелегко описать его недолгую жизнь. Младший в научной семье (отец — биохимик, академик, главный ученый секретарь Президиума АН СССР, брат и сестра — известные ученые, физик и филолог), он связал свою жизнь с ОИЯИ и был предан ему, равно как и своим учителям и товарищам, до последнего дня. Нетрудно будет проследить этапы его научной и организационной деятельности. Он с молодых лет был в руководстве Института, и труд его на этом поприще хронологически отражен во многих материалах о работе ОИЯИ. Его деятельность, как у любого научного работника, представлена во многих статьях в научных журналах.

Труднее сложилась его личная жизнь. Потеряв в молодые годы своих самых близких и любимых людей, он, человек от природы добрый и чуткий (читайте стихи), нашел в себе силы устоять под ударами судьбы, продолжая жить и работать. Вэтом огромная заслуга его родных — сестры, жены и дочери, которым сейчас особенно тяжело. Ваша любовь раскрыла его способности и дала ему достойную жизнь. Спасибо вам за Алешу...

Ю. Ц. ОГАНЕСЯН

Слово об Алексее Норайровиче Сисакяне

Глубокоуважаемые родные и близкие Алексея Норайовича, друзья и коллеги!

Эти строки дались мне с большим трудом. Я никак не могу примириться с тем, что об Алеше теперь нужно писать в прошедшем времени и что 14 октября, его день рождения, мы будем отмечать без него. Но, к сожалению, это так...

От нас ушел замечательный, разносторонне одаренный человек. Перефразируя известные некрасовские строки, скажу, что таких людей природа-мать посылает миру не часто. Это был крупный ученый-физик, оставивший в науке очень заметный след. Он чрезвычайно много сделал для организации и поддержки научных исследований в нашем Институте и его странах-участницах, внес огромный вклад в развитие международного научного сотрудничества. Мастерски владея словом, он опубликовал целый ряд содержательных популярных статей, заметок на злобу дня и интересных воспоминаний. Наконец, его перу принадлежит несколько поэтических сборников, покоряющих своей искренностью и лиризмом.

На протяжении более чем четырех десятилетий Алексей являлся моим близким другом, и я свидетельствую: это был человек поистине широкой души. Он близко к сердцу принимал заботы и проблемы других людей и всегда приходил им на помощь.

В июне 1992 года я был избран директором ОИЯИ, а Алексей Сисакян и Цветан Вылов (безвременно ушедший от нас в декабре прошлого года) стали вице-директорами. Думаю, все еще помнят, какими были 1990-е годы для российской науки и для самой России. Отношения между ОИЯИ и страной его местонахождения требовали особого внимания. По понятным причинам этот участок фронта мы с Алексеем взяли на себя. Помню, мы начали с визита к Егору Гайдару, исполнявшему обязанности премьера. Вручили ему около 20 писем, посвя-

щенных различным актуальным для ОИЯИ проблемам. На каждом из этих писем появилась соответствующая резолюция Егора Тимуровича. Однако чиновники, которых эти резолюции касались, продолжали бездействовать. Пришлось по этому поводу звонить Гайдару особо. В итоге процесс пошел. Алеша все держал под контролем и был неистощим на новые идеи. Вскоре контакты с министрами, членами Госдумы и другими чиновниками высокого ранга стали для нас привычным делом. В 1995 году, благодаря содействию Альберта Никифоровича Тавхелидзе (к великому сожалению, его уже нет с нами), удалось выйти на окружение Виктора Степановича Черномырдина, возглавлявшего в то время российское правительство. В итоге в октябре того же года в Дубне, в присутствии Черномырдина, было подписано Соглашение между Россией и ОИЯИ, в котором устанавливались и гарантировались правовой статус, привилегии и иммунитеты Объединенного института с учетом его международного характера. Через 4 года (без комментариев!) соглашение было ратифицировано Госдумой и Советом Федерации, а 2 января 2000 года под ним поставил свою подпись новый Президент РФ Владимир Владимирович Путин. В итоге мы получили «охранную грамоту», абсолютно необходимую для выживания Института в то тяжелое время. Вклад Алексея Норайровича в дело подготовки и ратификации этого документа трудно переоценить.

Переходя теперь к тому периоду, когда Алексей Норайрович возглавлял ОИЯИ, я могу констатировать, что за эти последние 5 лет Институт как бы обрел второе дыхание. Финансовое положение ОИЯИ стало более стабильным. Был принят второй семилетний план развития нашего международного научного центра. Алексей Сисакян инициировал смелый амбициозный проект сооружения на базе существующего ускорительного комплекса ЛФВЭ новой установки — коллайдера тяжелых ионов NICA для поиска и исследования процессов образования смешанной кварк-глюонной фазы ядерной материи. Ему удалось подписать с ЦЕРНом договор, согласно которому наш европейский партнер принял обязательство активно участвовать в реализации проекта NICA. Это сотрудничество уже успешно началось.

Очень важно, чтобы мы не сбавили темпа в реализации программы развития нашего Института, которая была принята при директоре Алексее Сисакяне.

...А теперь эпилог. В связи с уходом из жизни академика Тавхелидзе 27 февраля 2010 года Алексей Норайрович написал статью «Алеко», датированную мартом-апрелем. В ней есть такие щемящие душу строки: «...Прошло всего несколько недель со дня его кончины. Остра еще боль утраты, его близкие и друзья только начали ощущать, “насколько его не хватает...”. Большое видится на расстоянии — поэтому потребуется время, чтобы правильно измерить масштаб потери ... но будет ли у каждого из нас это время?»

Кто мог знать, что у самого Алеши такого времени уже не осталось...

14 октября 2010 г., ЦЕРН

В. Г. КАДЫШЕВСКИЙ

P. S. В тот же день это письмо было зачитано перед аудиторией, собравшейся в Дубне, чтобы отметить день рождения А. Н. Сисакяна.

Время не лечит

Наука и искусство — это две области, в которых не существует четких границ. Выходя за эти границы в абстракцию, творческая личность находит свой путь в вольном пространстве.

А. Н. Сисакян

Мы встречались в Дубне, ЦЕРНе (Женева), Алуште (Крым), но особенно запомнился последний визит А. Н. Сисакяна в Киев. Поездка была связана с официальным приглашением на празднование 100-летия со дня рождения Н. Н. Боголюбова. В начале сентября 2009 года прозвучал звонок от Алексея Норайровича: «Я еду к вам». Я переспросил: «В Украину?» «Нет, к вам с Татьяной». Так и получилось. Мы, две семьи, провели вместе хоть не полностью официальную, но зато всю неофициальную часть поездки. График был очень насыщенный: открытие мемориальной доски на здании Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко и поездка по местам детства Н. Н. Боголюбова в Великую Кручу Полтавской области, где был заложен памятный знак, экскурсии по Киеву и многое другое.

Вообще, Алексей Норайрович часто вспоминал Учителя и цитировал его. Запомнилась поездка в Переяслав-Хмельницкий. Этот небольшой городок недалеко от Киева имеет славное прошлое. Это город музеев. Здесь находится 28 этнографических музеев, диорама, созданная художниками школы Грекова, воссоздающая один из эпизодов Великой Отечественной войны, связанный с освобождением Киева, а также музей, посвященный украинскому философу и выдающемуся поэту Григорию Сковороде. Посещение этого музея, концерт кобзаря привели гостей в неопикуемый восторг. А вот от предложения продолжить посещение памятных мест Алексей Норайрович категорически отказался. И, сославшись на Н. Н. Боголюбова, сказал,

что, если хочешь что-то сделать хорошо, нужно в один день делать одно дело. Мудрые слова. Хотя, как показывает практика, если дело доходит до работы, то этот принцип ни у меня, ни у Алексея Норайровича не работает.

Поскольку наши семьи объединяло еще и общее увлечение — коллекционирование живописи, мы воспользовались случаем и пригласили Сисакянов на открытие выставки в Русском музее Киева, посвященной творчеству выдающегося украинского художника-барбизонца Сергея Васильковского и современных украинских художников из коллекции нашей семьи. Эти работы были написаны в ходе пленэров, нами учрежденных и проводимых уже около 10 лет. Украинский пейзаж пленил наших гостей и занял достойное место в их сердцах и на стене дома Сисакянов в Дубне.

Широта и разносторонность взглядов Алексея Норайровича, умение увлечь собеседников и убедить их — все это делало наши беседы незабываемыми.

Моя супруга по неопытности попыталась спорить с нашим гостем о качестве вина. И здесь мы уже увидели настоящего сомелье! Человека, который изучил этот предмет вдохновенно глубоко. Уже позднее узнали: когда Алексея Норайровича спрашивают, если бы он не стал физиком, то стал ли бы поэтом, он отвечает: «Я бы стал виноделом, все-таки мои предки этим занимались, а отец доказал, что виноделие — это большая наука».

Таким он и остался в памяти...

На фотографии, сделанной в Переяслав-Хмельницком, видна надпись на монументе: «Навіки разом. Навіки з російським народом».

Мы счастливы, что этот лозунг реализуется в Дубне. Этот принцип неукоснительно отстаивал в своей деятельности Алексей Норайрович на всех постах, которые он занимал.

Татьяна и Борис ГРИНЕВЫ

Алексей Сисакян оставил яркий след

Не обрывается сказка концом.
Помнишь, тебя мы спросили вначале:
Что остается от сказки потом —
После того, как ее рассказали?

Владимир Высоцкий

Алексей Норайрович Сисакян оставил после себя добрую память... Оставил много славных дел, заложил столько идей и решений...

Наше тесное общение с ним началось во время работы в составе Совета директоров научно-технического комплекса (НТК) Дубны: там мы спорили, обсуждали проблемы градообразующих предприятий, проблемы города, вместе принимали взвешенные, хоть порой и рискованные решения. Но мое знакомство с Алексеем произошло гораздо раньше, еще в 1970-е годы, во времена комсомольской работы: он был секретарем комсомольской организации ОИЯИ, как раз оттуда и пошло начало нашей дружбы и деловых отношений...

Его всегда отличала активность, он был очень общительным и открытым, отзывчивым и неравнодушным. И это касалось всего — всех сфер его деятельности: науки, работы на руководящих должностях в Объединенном институте ядерных исследований, общественных проектов, творчества. Он был многогранным человеком, увлеченным своими идеями, которые так или иначе касались нашего города, его развития, развития мировой науки, без которых невозможно будущее.

Я с большим удовольствием вспоминаю нашу работу в Совете директоров научно-технического комплекса Дубны, когда мы уже стали руководителями своих коллективов и нам приходилось решать более серьезные задачи. А ведь это было непростое время... Жизнь выдавала столько проблем (я говорю в целом о стране), все это отражалось и на жизни нашей

Дубны, ее градообразующих предприятий — ОИЯИ, «Радуги», ДМЗ, «Тензора», где работали тысячи горожан. Нужно было принимать ответственные решения, кардинально влиять на развитие города. И именно таким органом стал Совет директоров научно-технического комплекса, возглавил который в то время директор Объединенного института ядерных исследований академик Владимир Георгиевич Кадышевский. Алексей Нораирович с первого дня существования Совета директоров включился в его работу как вице-директор ОИЯИ и как авторитетный руководитель. Позже он возглавил Совет директоров НТК.

Каждый из нас на предприятии решал свои задачи, но как раз вот эта совместная работа в городе нас и сплотила. Это было правильно: не замыкаться на проблемах собственного производства и коллектива, а вместе искать выходы из сложнейших ситуаций, обсуждать и понимать, куда и как нужно двигаться. Уже тогда Дубну называли жемчужиной Подмосковья, и эту жемчужину потерять было нельзя. Каждый руководитель имел опыт решения проблем на собственном предприятии, поэтому совместные решения должны были работать на город.

Сложно переоценить роль Алексея Нораировича Сисакяна в единении города: он играл интегрирующую роль для предприятий и коллективов Дубны. Он был, бесспорно, авторитетным руководителем, к мнению которого мы все прислушивались, как и он к мнению каждого из нас. Более того, он мог спорить, очень живо обсуждать какую-то тему, выслушать позиции других руководителей и уже с учетом этих мнений принять решение. Имея высокие научные звания, достижения и награды, он никогда не ставил себя выше других руководителей и даже просто выше своего собеседника. Во многом благодаря этому с ним всегда было легко общаться.

Одним из таких решений, на котором настаивал Алексей Нораирович, и в этом его огромная заслуга, — создание в Дубне особой экономической зоны. Тогда действительно было много сомнений, рассуждений на эту тему, но он как председатель Совета директоров НТК, как директор Объединенного института принял решение, опираясь на решение руководителей градообразующего комплекса города, и сегодня мы понимаем, что оно было правильным: особая экономическая зона активно

развивается, и по-прежнему большую роль в этом играет Объединенный институт ядерных исследований.

Он всегда открыто выступал за строительство моста через Волгу, за интеграцию и развитие всех районов города. Много мы в то время спорили, обсуждали. Например, он всегда считал, что выборы в местную власть в нашем городе не должны проходить по партийным спискам, что такую практику можно применять лишь в крупных городах.

Еще одна деталь всплывает в памяти, когда вспоминаю Алексея, а точнее, его рабочий кабинет, в котором все внимание притягивал стол — длинный такой, и на нем были разложены документы, брошюры — места свободного не было вообще. И он всегда говорил: «Не трогайте бумаги, не нужно: здесь все по порядку, все имеет свой смысл и свою структуру». Он очень внимательно относился к окружающим, общение с ним было всегда приятно и, несмотря на его высокое положение в научной среде, в городе, он был доступен, открыт, мог очень легко дать дельный совет, сопроводив его хорошей шуткой. С годами в нем не исчезла комсомольская закваска, наоборот, он сохранил яркий задор и жизнерадостный взгляд на многие вещи.

Поражало меня в нем и то, как он, управляя делами настолько крупной международной организации, как ОИЯИ, находил время, чтобы заниматься наукой, общественной работой, поэзией... Я всегда восхищался его талантом писать стихи. Не каждому это дано — не просто рифмовать, а писать талантливые, жизненные, поучительные стихи. Я и сегодня иногда беру книжку со стихами Алексея и перечитываю их.

С ним было приятно работать, и не важно, какое дело нас объединяло. С большой благодарностью вспоминаю, как я с коллективом ГосМКБ «Радуга» и Алексей Норайрович с сотрудниками Объединенного института ядерных исследований поддержали инициаторов открытия аллеи Высоцкого, а позже и памятника этому великому актеру, поэту, исполнителю. Алексей переживал, болел за дело увековечивания в Дубне памяти Владимира Высоцкого, как и за каждое из тех дел, которыми занимался и к которым был причастен.

Алексей Норайрович был одним из тех редких гостей «Радуги», которым всегда рады. На нашем предприятии он бывал не часто. Один из его приездов был связан с визитом предсе-

дателя Совета Федерации Сергея Михайловича Миронова. И Алексей Норайрович, и Владимир Георгиевич Кадышевский побывали на нашем предприятии и оценили уровень организации работы на «Радуге», ее значимость как для города, так и для оборонной промышленности страны.

К сожалению, Алексей ушел... Такие беспокойные, неравнодушные, талантливые люди, каким был Алексей Норайрович, уходят рано. Уходят, оставив о себе добрую память и яркий след, который будет напоминанием всех тех дел и задумок, которые он успел претворить в жизнь на этой земле...

*В. Н. ТРУСОВ,
генеральный директор ОАО «ГосМКБ «Радуга»»*

Наш учитель и друг Алексей Сисакян

И я не вечен, знаю сам.
Настанет день — меня не будет,
Но Богу душу не отдам,
Я вам ее оставлю, люди...

А. Н. Сисакян

Уже более полугода, как с нами нет нашего учителя и друга академика Российской академии наук Алексея Норайровича Сисакяна — известного ученого, физика-теоретика, блестящего организатора науки, прошедшего путь от стажера-исследователя до директора крупнейшего международного института — Объединенного института ядерных исследований, поэта-лирика.

Алексей Норайрович родился в Москве 14 октября 1944 года в семье научных работников. Отец — Норайр Мартиросович Сисакян (1907–1967), ученый-биохимик, академик, ученый секретарь Академии наук СССР, один из основоположников космической биологии и медицины, мама — Варвара Петровна Сисакян-Алексеева (1910–1990) работала в области агрохимии.

Авторам настоящей статьи выпало огромное счастье долгое время сотрудничать с Алексеем Норайровичем, считать его своим учителем и другом. Нас связывала долгая и бескорыстная дружба, поэтому мы с радостью откликнулись на предложение написать о нем статью.

Наше знакомство с Алексеем Норайровичем началось в конце 70-х годов XX века. Это было время бурного развития физики высоких энергий. В СССР планировалось построить новый сверхмощный ускорительный комплекс на базе уже работавшего ускорителя в Протвино. Одной из первостепенных задач того времени являлась подготовка молодых кадров, которые должны были пройти практику на ускорителях в Дубне, Протвино и других научных центрах СССР. С этой целью в респу-

бликах бывшего Союза образовывались научные группы и лаборатории, которые занимались подготовкой специалистов и создавали базу для будущих экспериментов на строившемся ускорителе. С идеей организации подобной лаборатории при Ереванском госуниверситете и приехал в Ереван Алексей Норайрович Сисакян.

Первый разговор об этом состоялся дома у Валерия Мкртычевича Тер-Антоняна, доцента кафедры теоретической физики, всего несколько лет назад вернувшегося из Дубны после успешной защиты кандидатской диссертации в ОИЯИ. К тому времени вокруг Валерия Мкртычевича уже сформировалась группа молодых ученых и студентов, в которую вместе с нами входили Игорь Луценко, Грачик Торосян и Левон Давтян. Научным направлением нашей группы было исследование систем со скрытой симметрией. Один из нас (Георгий Погосян) присутствовал при первом, можно сказать, историческом разговоре Алексея Норайровича и Валерия Мкртычевича.

Четкое понимание своих целей и задач было одним из свойств характера Алексея Норайровича. И он без лишних предисловий, сразу изложив задачу, предложил Валерию возглавить дело по созданию в университете Лаборатории физики высоких энергий. После некоторых колебаний, что было свойственно уже Валерию, он согласился. Дальнейшие консультации с заведующими кафедрами теоретической и ядерной физики академиком Гургеном Серобовичем Саакяном и профессором Альфредом Гайковичем Худавердяном показали, что лучше всего в качестве базовой кафедры для будущей лаборатории выбрать кафедру ядерной физики. Получив согласие руководства университета, Алексей Норайрович немедленно развил только ему одному свойственную активную деятельность по организации лаборатории. Несмотря на свою занятость (а он уже работал в должности главного ученого секретаря ОИЯИ), несколько раз в год приезжал в Ереван один или с братом, уже известным тогда физиком, главным конструктором ЦКБ уникального приборостроения АН СССР профессором Иосифом Норайровичем Сисакяном (1938–1995), привозил с собой многих известных ученых из России и ОИЯИ.

График пребывания Алексея Норайровича в Ереване был довольно плотным. Он встречался с руководством университе-

та и Академии наук Армении, официальными лицами на уровне Министерства образования и науки, выступал с семинарами перед студентами и преподавателями физического факультета и при этом никогда не забывал навестить своих родственников в Аштараке и Ереване, учеников и друзей отца, живших в Армении.

По инициативе Алексея Норайровича удалось заключить протоколы о научном сотрудничестве между различными лабораториями ОИЯИ — теоретической физики, физики высоких энергий и ядерных проблем, с одной стороны, и кафедрой ядерной физики ЕГУ — с другой. Подписанные протоколы позволили ученым ЕГУ заниматься физикой высоких энергий и приобщаться к новейшей научной информации в этой области.

Первая же наша совместная работа «Сфероидальный анализ атома водорода» (авторы Л. Г. Мардоян, Г. С. Погосян, А. Н. Сисакян и В. М. Тер-Антонян) была опубликована в 1983 году в известном журнале «Journal of Physics A». Успех этой работы окрылил нас и в некотором смысле сподвигнул на дальнейшие исследования в области систем со скрытой или динамической симметрией. С этой статьи началось наше научное сотрудничество с Алексеем Норайровичем, которое длилось почти 30 лет вплоть до его безвременной кончины 1 мая 2010 года.

Теория систем со скрытой симметрией или, как ее сегодня называют, теория суперинтегрируемых систем, началом которой послужила работа известного физика-теоретика академика В. А. Фока о скрытой симметрии атома водорода (частично инициированная нашими работами), успешно развивается во многих странах. Она находит многочисленные применения в теории твердого тела, квантовой оптике, молекулярной, атомной и ядерной физике. Свою лепту в исследование этой темы внесла и наша маленькая группа совместно с Алексеем Норайровичем.

В 1986 году в жизни Алексея Норайровича произошла ужасная трагедия: при разбойном нападении на московскую квартиру была убита его единственная 16-летняя дочь Аня. Вся наша группа срочно вылетела в Москву, чтобы выразить наши соболезнования и присутствовать на похоронах Ани. Алексей Норайрович держался стойко. После смерти дочери он развел-

ся со своей первой женой. В 1988 году от второй жены Наташи у него родилась дочь Анастасия.

В начале 1986 года Алексей Норайрович предложил на базе кафедры ядерной физики ЕГУ организовать очередную межвузовскую конференцию по физике элементарных частиц. Конференция стала стимулом для многих молодых ученых и студентов, а некоторые избрали именно физику высоких энергий в качестве своего пути в науке.

Многочисленные усилия Алексея Норайровича по созданию Лаборатории физики высоких энергий на базе ЕГУ наконец увенчались успехом. Она была создана в 1988 году при прямом финансировании Госкомитета СССР. В том же году Алексей Норайрович становится ее научным руководителем.

Наша лаборатория просуществовала недолго. Вместе с распадом Союза был похоронен, фактически на стадии строительства, и проект крупнейшего в мире ускорителя в Протвино. В начале 1990-х началась война в Нагорном Карабахе. Для науки наступили тяжелые времена, и практически все бюджетное финансирование науки было приостановлено. В то непростое для всех время Алексей Норайрович проявил огромную заботу о научных сотрудниках Армении, многие из которых получили возможность работать в ОИЯИ на контрактной основе и вместе с семьями переехать в Дубну.

В те сложные годы Алексей Норайрович занимал должность вице-директора ОИЯИ. Многие страны-участницы, особенно бывшие республики Советского Союза, включая Россию, не имели возможности платить полностью свои взносы. Начались проблемы с зарплатой, которую сразу же съедала жуткая инфляция. Центробежное веяние того времени — бездумная приватизация — распространилась и на Институт. Над ОИЯИ нависла угроза его разделения или потери некоторой части инфраструктуры, как, например, гостиниц или жилого фонда. Сегодня уже абсолютно однозначно можно сказать, что ОИЯИ как институт выжил в 1990-е годы и сегодня столь успешно развивается в основном благодаря Алексею Норайровичу. Именно его талант крупного организатора вкупе с его гибкостью при разрешении сложнейших проблем, умение находить взаимоприемлемые решения в почти безвыходных ситуациях (его часто называли мастером компромиссов), обладание не-

ким, наверное, данным свыше даром предвидения (Алексей Норайрович любил говорить: «Руководить — это предвидеть»), его особая доброжелательность к людям (говорили, что Алексей Норайрович подписывает все бумаги, которые ему принесут) спасли Институт от краха.

В 1990-е годы Алексей Норайрович предложил серию задач, в решение которых были вовлечены профессор Павел Винтернитц из Монреальского университета и Алексей Измestьев из Москвы. В 2001 году за эту серию работ П. Винтернитцу, А. Измestьеву, Г. Погосяну и А. Сисакяну была присуждена первая премия ОИЯИ по теоретической физике.

В 1996 году в Армении началась новая эра. Забрезжил луч надежды, и Алексей Норайрович вновь начинает думать о науке в Армении. В 1998 году при прямой поддержке тогдашнего ректора академика НАН Радика Мартиросовича Мартиросяна на базе Ереванского государственного университета и при участии ОИЯИ организуется Центр перспективных исследований. По замыслу Алексея Норайровича, такой центр не только и не столько должен был служить мостом для сотрудничества между ОИЯИ и университетом, сколько предоставить возможность возвращения представителей армянского землячества обратно на родину. Многим из нас центр помог вернуться и продолжить работу в университете.

В 2003 году нашу группу постигло несчастье — из жизни ушел Валерий Мкртычевич Тер-Антонян. В том же году (может, смерть Валерия подтолкнула к этому) Алексей Норайрович предложил втроем написать книгу по квантовым системам со скрытой симметрией и включить в число авторов Валерия Тер-Антоняна, которого смело можно считать основоположником теории межбазисных разложений. Наша монография «Квантовые системы со скрытой симметрией. Межбазисные разложения» (в авторском коллективе Л. Г. Мардоян, Г. С. Погосян, А. Н. Сисакян и В. М. Тер-Антонян) вышла в свет в 2006 году в издательстве «Физматлит». Монография оказалась востребованной для специалистов, работающих в областях квантовой оптики и физики твердого тела.

Наше сотрудничество с Алексеем Норайровичем не ограничивалось только научной работой. Почти каждые два года, начиная с 1993 года, в Дубне и Ереване под председательством

Алексея Норайровича проходят международные конференции «Методы симметрии в физике», охватывающие по тематике широкий круг вопросов от приложения теоретико-групповых методов к ядерной физике до космологии и современной гравитации.

Особо хочется отметить его связь с Арменией, где Алексея Норайровича уважали и искренне любили. Он был желанным гостем всюду: в Ереванском государственном университете, в Академии наук, в Институте физики и, конечно, в семьях своих многочисленных друзей. Его неподдельная доброта, идущая от самого сердца, всегда поражала и притягивала к нему людей. Родина достойно оценила его заслуги перед армянской наукой. Он был удостоен звания почетного доктора (1995) и награжден золотой медалью (2001) Ереванского государственного университета, избран иностранным членом Академии наук Армении (2003), ему была вручена государственная награда Республики Армения — медаль Анания Ширакаци.

В своей поэзии Алексей Норайрович часто возвращался к теме об Армении:

Опять тебе больно, Армения —
Отца моего колыбель...
Твое безгранично терпение,
И плачет об этом свирель,
И песня об этом тоскует —
В слезах захлебнулся Арцах...
Не эту ли горечь несу я
В печальных армянских глазах?

Отношение Алексея Норайровича к родителям, в частности к отцу, может служить прекрасным примером для многих из нас. Об этом можно рассказывать долго. Стараниями Алексея Норайровича на родине отца, в Аштгараке, работает дом-музей, в его честь названы улица и школа. Регулярно организовывались Сисакяновские чтения как в Дубне, так и в Ереване.

Глубоко в память врезался его последний визит в Армению в октябре 2009 года. Алексея Норайровича сопровождали супруга Наташа и академик Владислав Хомич с супругой. В один из дней мы выехали на экскурсию в Хор Вирац, где на холме гордо и величественно стоит монастырь IV века и еще сохранилась яма, в которую по приказу царя был брошен и провел там

13 лет первый епископ и проповедник христианства в Армении Григорий Просветитель. Это место примечательно еще и тем, что находится почти на границе с Турцией, у реки Аракс, разделяющей Армению и Турцию (Западную Армению), прямо у подножия библейской горы Арарат. В тот день ярко светило солнце, и белоснежный Арарат мудро взирал с высоты древности, поражая своим великолепием. На пригорке перед монастырем Алексей Норайрович увидел старое армянское кладбище и воскликнул: «А нельзя ли здесь и мне выделить место?» Услышав это, Владислав Хомич возразил: «Алеша, у тебя же есть место на Новодевичьем». «Там не хочу — хочу здесь», — ответил ему Алексей Норайрович.

От тебя мне судьба досталась,
И когда-нибудь поутру
Не сердечною недостаточностью,
А избыточностью помру...

Так он прожил самому себе же начертанный жизненный путь...

Ереван, октябрь 2010 г.

Л. Г. МАРДОЯН и Г. С. ПОГОСЯН

Штрихи к «портрету» А. Н. Сисакяна

Имя академика Норайра Мартиросовича Сисакяна было широко известно в СССР всем, кто интересовался проблемами и достижениями биофизики, космическими полетами, космической биологией и медициной. Поэтому, когда в конце 60-х годов прошлого века, будучи аспирантом МГУ им. М. В. Ломоносова и проходя обучение в его филиале в Дубне, я узнал, что в ЛТФ ОИЯИ пришел работать Алексей Норайрович Сисакян, я невольно стал время от времени интересоваться его работой и карьерой. В частности, заметным для меня известием было присуждение А. Н. Сисакяну с его коллегами премии имени Ленинского комсомола за цикл научных работ. Также не прошла незамеченной мною работа А. Н. Сисакяна в должности главного ученого секретаря ОИЯИ, а затем и вице-директора.

Реальное деловое знакомство и работа с ним как с вице-директором ОИЯИ начались для меня в 1992 году, когда они с В. Г. Кадышевским, ставшим директором ОИЯИ, составили замечательный рабочий тандем, которому, без преувеличения можно сказать, мы во многом обязаны сохранением и развитием (!!!) ОИЯИ в самые трудные годы, когда даже возможность дальнейшего существования Института была отнюдь не очевидной. В Алексее (так я его называл после перехода на «ты») поражали трудолюбие и доступность. Уверен, многим памятен его рабочий кабинет вице-директора на первом этаже «Белого дома» на Жолио-Кюри, 6. Длинный стол в кабинете был заполнен морем бумаг и книг, разложенных стопками разной высоты. Однако при необходимости хозяин безошибочно находил среди них нужный документ. Люди шли к вице-директору Алексею Сисакяну по самым разным вопросам, зная его доброжелательность и способность быстро и точно решать эти вопросы. Даже в тех случаях, когда ему приходилось по объективным причинам отказывать, он делал это как-то по-особому убедительно, плавно и безобидно.

Можно по-разному оценивать некоторые нововведения, вошедшие в практику ОИЯИ после того, как Алексей стал директором. В первую очередь, это почти поголовная смена по возрастным причинам руководителей тем (в основном это известные ученые — ветераны ОИЯИ) и структурная реорганизация управления ОИЯИ. Но, по крайней мере, эта перестройка управления не добавила бюрократизма в работе ОИЯИ и, как минимум, не усложнила решение таких важных для стран-участниц вопросов, как организация сотрудничества с ОИЯИ их учреждений и предприятий, реализация выбранного в рамках Устава ОИЯИ способа внесения долевого взноса, подготовка, оформление, контроль и сдача-приемка результатов выполнения контрактов, договоров, соглашений с ОИЯИ.

Не могу не привести хотя бы один пример, как Алексей подходил, при необходимости, к решению непростых вопросов, беря на себя всю ответственность за эти решения. В 2006 году коллеги из ОИЯИ (Е. А. Красавин и С. И. Тютюнников) с целью оснащения радиобиологических и диагностических исследований современными техническими средствами обратились к руководству ОИЯИ с предложением о размещении на профильном предприятии в Белоруссии заказа на разработку, изготовление и поставку уникального приборного комплекса — лазерного сканирующего конфокального люминесцентного КАРС-микроскопа. Предварительно они убедились в возможности и готовности белорусских коллег выполнить этот уникальный заказ. Необходимая поддержка была получена также от руководства ГКНТ Республики Белоруссии, полномочного представителя правительства Белоруссии в Комитете полномочных представителей правительств государств-членов ОИЯИ.

Мяч, как говорится, оказался на стороне ОИЯИ. Но согласование необходимого контракта в счет уплаты долевого взноса нашей страны столкнулось в службах ОИЯИ с непреодолимой трудностью: по соответствующей теме ОИЯИ не были запланированы средства, достаточные для выполнения заказа. И контракт повис в воздухе. В этой ситуации я решил идти прямо к директору и просить его найти решение проблемы. Алексей уже был в курсе дела и без лишних слов принял решение: поскольку заказываемый приборный комплекс по своему назна-

чению можно считать еще одной базовой установкой ОИЯИ, то финансировать ее создание следует из ресурсов всех заинтересованных в исследованиях на ней тем и лабораторий ОИЯИ. И тут же подписал контракт.

В заключение этих заметок не могу не отметить большую роль Алексея в возобновлении и проведении в Белоруссии вблизи г. Гомеля международных школ-семинаров «Актуальные проблемы физики микромира», о чем я уже упоминал в своей статье в сборнике «Объединенный институт ядерных исследований — 55 лет» (Дубна: ОИЯИ, 2011). Беру на себя смелость утверждать, что без его поддержки, энтузиазма и личного реального участия как бессменного председателя оргкомитета и как лектора судьба этого важного для нашей страны научно-образовательного форума могла бы быть совсем иной.

Уважаемый читатель! Здесь я бегло коснулся только двух-трех штрихов к «портрету» Алексея Норайровича Сисакяна. Уверен, что другие его коллеги и друзья, более близко знакомые с такими (главными) сторонами его многогранной личности, как ученого, организатора науки и образования, поэта, собеседника и гражданина, наполнят этот сборник соответствующими воспоминаниями и размышлениями.

Н. М. ШУМЕЙКО

Наши встречи

Наша первая встреча произошла почти полвека тому назад. Это было на международной школе по физике высоких энергий и элементарных частиц в апреле 1966 года в ялтинском санатории «Парус» в Крыму. Все мы, участники той необычной школы, посвященной новым динамическим и унитарным симметриям, потом всю жизнь вспоминали ее особую атмосферу.

Алексей в те времена был еще дипломником Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, а я — аспирантом Берлинского университета им. А. Гумбольдта. Мы оба были очень молоды, очень оптимистичны и полностью захвачены нашей наукой. Совпадение наших интересов в философии, искусстве и языках уже тогда вызвало в нас симпатию друг к другу и исключительно сблизило.

Его поэтическое высказывание в одном из стихотворений о том, что наука без искусства каким-то образом мертва и только оно придает ей чувства, соответствовало и моему личному восприятию.

В 1974 году мы вновь встретились на конференции по физике высоких энергий в Брайтоне, в Англии. Связанные с этим событием воспоминания наполнены самыми радужными впечатлениями о пребывании там и времени, совместно проведенном с Алексеем, которые добавили еще один яркий камешек в мозаику наших пожизненных дружеских отношений, а тогда только усилили мое желание приехать и поработать в Дубне. А Алексей в конце конференции действительно пригласил меня в Дубну.

Здесь, в Дубне, моя семья провела с 1975 по 1980 год пять незабываемых лет в кругу многих прежних и новых коллег, друзей и знакомых, к которому с самого начала принадлежал и Алексей. Он тогда работал в ЛТФ над такими интересными направлениями, как множественное рождение частиц и теория сильных взаимодействий при высоких температурах и плотностях, — направлениями, близкими моим тогдашним интересам, и мы множество раз обсуждали эти проблемы.

Алексей познакомил меня со своими коллегами и друзьями из России, Армении, Грузии, Азербайджана, Болгарии, Польши и Чехии. В особенности я вспоминаю вечера и встречи с ним, его однокурсниками Михаилом Савельевым, Виктором Савриным, Руфатом Мир-Касимовым, Леней Слепченко, Сашей Квинихидзе и Маком Матеевым. Разнообразие новых впечатлений, несмотря на языковые и культурные различия, разные нравы и обычаи, а во многом и благодаря этому, отражало нашу богатую мультикультурную жизнь в Дубне.

Когда я писал эти воспоминания, то не раз окидывал взглядом пять сборников стихотворений Алексея, которые он мне дарил, сопровождая посвящениями. Такая поэтическая и эмоциональная сторона, какая была у Алексея, скорее исключение среди нас, теоретиков, на которых смотрят, в общем-то, как на сухих, рационально мыслящих людей.

Поэтическое мироощущение Алексея выражалось и в его почетительных и нежных воспоминаниях о родителях, Нораире Мартиросовиче и Варваре Петровне Сисакян, и в его необычайно теплом отношении к своей семье, друзьям и сотрудникам. Алексей всегда внимательно слушал других, пытался их понять и, по мере возможности, поддержать. От него почти никогда не слышали «нет». Перед его кабинетом в администрации Института длинная очередь из ученых, сотрудников мастерских или представителей профсоюза, которые приходили к нему за поддержкой, помощью или советом, часто не имела конца. И все-таки я, будучи вице-директором, всегда видел его с внимательным и приветливым выражением лица.

Особо хочу отметить его большой рабочий и управленческий опыт и его талант импровизатора, который меня часто удивлял и впечатлял. Он мог очень быстро понять суть проблемы, в трудных ситуациях найти подходящие компромиссы и сформулировать необходимые решения. Как я помню, он был мастером разрешать конфликты.

Все эти десятилетия я мог наблюдать очень важную черту его характера — верность друзьям, как в хорошие времена, так и в трудные. Во время моих следующих служебных поездок в Дубну он приглашал меня и мою жену к себе домой, на шашлыки в саду, на дачу на Волге, на совместную прогулку с караоке на теплоходе вместе с друзьями на Липню или пока-

таться на водных лыжах. Много таких увлекательных совместных мероприятий связывают наши семьи.

За судьбу Института, как в хорошие, так и в сложные времена, он всегда сильно переживал. Он постоянно был открыт для новых идей и интересных проектов и старался с полной отдачей решить вопросы дальнейшей модернизации ОИЯИ. Я вспоминаю, что у него дома, и вечером, и в выходные, а также в его служебных поездках в ЦЕРН непрерывно звонил сотовый телефон. Сотрудники хотели проинформировать его о неотложных проблемах или получить совет. Как часто я во время нашей совместной работы в дирекции ОИЯИ просил его в интересах здоровья хотя бы в вечерние часы и в выходные дни выключать сотовый, чтобы отдохнуть, — Алексей в буквальном смысле был трудоголиком.

Последняя личная встреча с Алексеем и его женой Натальей произошла во время его служебной поездки в Берлин в июне 2009 года, когда они оба смогли прийти на день рождения моей жены.

Мы тогда вместе с Дмитрием Васильевичем Ширковым и его женой Светланой посещали в больнице тяжелобольного Альберта Никифоровича Тавхелидзе, которому я и ранее помогал во время его пребывания в больницах Берлина. Я до сих пор помню, как Алеко в одной из наших совместных поездок на машине сказал, что он со спокойствием ожидает свою дальнейшую судьбу, но очень сильно переживает из-за будущего ОИЯИ, если когда-либо Алексея Норайровича там не будет.

Спустя девять месяцев, в марте 2010-го, мне позвонил Алексей, чтобы сообщить о смерти Алеко, и сказал, что он в тот момент готовил свою прощальную речь. Всего через два месяца, в начале мая, до меня дошла шокирующая весть о смерти Алексея.

Дитмар ЭБЕРТ

Память о нем всегда жива

Память о человеке жива, пока о нем помнят родные, друзья, коллеги. Память об ученом жива, пока его цитируют, читают. Для Алеши, как и для академика Алексея Норайровича Сисакяна, и то и другое верно.

1967 год. Как отличнику курса по квантовой механике физического факультета Софийского университета, мне выпала честь приехать в Лабораторию теоретической физики Объединенного института ядерных исследований в Дубне для подготовки дипломной работы.

В то же самое время в ЛТФ появились выпускники физического факультета Московского государственного университета. Все они были талантливые, эрудированные, полные энергии, большого интереса к науке, большой работоспособности молодые ученые. Некоторые из них остались работать в ОИЯИ. Все они впоследствии стали профессорами, директорами крупных физических институтов, ректорами университетов, членами комиссии ВАК, членами-корреспондентами, а некоторые — академиками (имена, начиная с Лени Слепченко).

Алеша своими качествами, которые трудно описать словами, сразу притягивал к себе, вызывал доверие и любовь, уверенность, что, если будет нужно, он встанет за твоей спиной.

Впоследствии наша дружба переросла в плодотворное соавторство с ним, с некоторыми его коллегами и учениками.

Этот несчастный день 30 апреля прервал исполнение наших планов о приложении классической механики с условием стабильности в теории элементарных частиц, ядерной и атомной физике. Без него остановились наши планы по мониторингу спектра частиц и энергии космических лучей и их исследованию, в том числе влияния процессов на Солнце на земные процессы (сейсмичность, климат).

Сейчас у меня два «собеседника» вечерами, когда я обдумываю, что сделано днем и что делать завтра: мой отец, которого не стало в 1968-м, и уже два года Алексей Норайрович.

Вечная память!

5 сентября 2013 г.

София

Страшимир Четрев МАВРОДИЕВ

Уроки А. Н. Сисакяна

...Но Богу душу не отдам,
Я вам ее оставлю, люди.

А. Н. Сисакян

У Алексея Нораировича была большая душа, которую он делил с огромным количеством людей. И через это он влиял на судьбы многих. Среди этих многих был и автор этой заметки — свидетель и участник новой истории ОИЯИ, одним из главных творцов которой, несомненно, является Алексей Нораирович. Он постоянно давал уроки жизни окружающим.

Наше взаимодействие началось в начале 1970-х годов. Алексей Нораирович уже тогда был заметной фигурой в ОИЯИ: лауреат премии Ленинского комсомола в области науки и техники, член Совета молодых ученых ЦК ВЛКСМ. Он появлялся на вечерах молодежи в смокинге и в окружении красивых девушек. Алексей Нораирович был по природе лидером, ему нравилось организовывать и вести людей, он умел это делать. В те годы он вместе с С. П. Кулешовым начал закладывать основы руководства Институтом и формировать из молодежи кадровый резерв. Уже тогда была видна его природная мудрость — он умел терпеть и прощать, умел нести свой крест и ждать своего часа. Сам Алексей Нораирович через 30 лет напишет:

Умение прощать — талант огромный,
Оно — умению любви под стать...
Не посылай обидчику проклятий громы,
А лучше научись его прощать.

В конце 1970-х – начале 1980-х Алексей Нораирович, будучи заместителем главного ученого секретаря, занимался подготовкой проблемно-тематического плана ОИЯИ. Он привлек меня к этой работе в качестве эксперта по физике конденсированных сред. Группа экспертов проверяла выполнение этого плана в лабораториях. По существу, с того времени Алексей Нораирович начал готовить нового директора Лаборатории

нейтронной физики, что он и реализовал в 1987 году, когда уже был главным ученым секретарем Института и имел большое влияние. По-видимому, он уже тогда лучше других разбирался в делах ОИЯИ и последовательно реализовывал свое видение перспектив.

С 1989 года, когда Алексей Норайрович стал вице-директором, он, по существу, формировал политику управления Институтом. Очень важным, возможно, даже переломным моментом в новой истории ОИЯИ стали выборы директора в 1992 году. У нас с ним были разные точки зрения. Алексей Норайрович поддерживал точку зрения многих (наиболее активным был А.М.Балдин), что директором должен быть сотрудник ОИЯИ. Я думал по-другому, но теперь, с учетом времени и личностей, могу признать, что я ошибался и выбор был сделан правильный. Но чтобы это произошло, понадобились колоссальные усилия, поскольку другую кандидатуру выдвигала Россия и ее поддерживали страны-участницы, вносящие в бюджет ОИЯИ определяющий вклад. На этих выборах в полной мере проявился талант Алексея Норайровича — дипломата, политика и стратега.

Начиная с того времени Алексей Норайрович вместе с В.Г.Кадышевским предпринимал поистине героические и успешные усилия по спасению ОИЯИ, при этом не имея больших научных регалий и званий. Заслуженное признание пришло позже. Все, что было сделано за эти годы по укреплению позиций ОИЯИ, — это результат титанического труда. Представить себе невозможно, какой внутренней силой обладал этот человек. Необходимо вспомнить, какое это было время.

У Алексея Норайровича была замечательная черта — он поддерживал любую инициативу, если она была на пользу ОИЯИ и науке. Поддерживал не словом, а делом, как теперь говорят, — реально. При его поддержке возникла в 1994 году государственная программа по нейтронным исследованиям вещества, проводилась модернизация реактора ИБР-2. Непростая ситуация была, например, и с инициативой установки памятника Д.И.Блохинцеву. Этот памятник замечательный скульптор Мамикон Сагателян создавал в одном из экспериментальных залов ЛНФ. Алексей Норайрович регулярно посещал этот зал, чем морально нас поддерживал. Можно вспом-

нить много крупных и не очень дел — все они шли на пользу нашему Институту. Он активно поддержал идею О. Л. Кузнецова и В. Э. Проха по созданию университета в Дубне и затем, как вице-президент и заведующий кафедрой, много делал для его развития. Этот университет имеет огромное значение для города и ОИЯИ. Здесь проявилась характерная черта Алексея Нораировича — контролировать лично все, к чему он был причастен. Когда происходила смена ректора, он использовал все методы, чтобы была принята нужная кандидатура.

В 2003 году Алексей Нораирович выразил желание вместе со мной посетить ВНИИЭФ. У ЛНФ давнее сотрудничество с этим институтом, который имеет сверхмощный импульсный источник нейтронов. В музее ВНИИЭФ Алексея Нораировича ждал сюрприз — он узнал в экс-директоре отца своей первой любви. Он как-то раскрылся с незнакомой мне до сих пор стороны тонкого лирика. Позже он сам писал:

Этот мальчик — он живет во мне,
Нежный, непосредственный и чистый...
Он внутри, а видится вовне —
Я другой — развязный и речистый...

По дороге в поезде мы говорили о многом, в том числе и о методах поддержания и восстановления здоровья. После этого он был представлен руководителям Школы здоровья и биоэнергетики В. Д. Кряжеву и А. Г. Пикуровой, которые помогли многим людям в Дубне. Какое-то время мы даже вместе занимались пробежками по утрам. Алексей Нораирович со свойственной ему тщательностью овладевал древнекитайскими методами оздоровления. Не знаю, насколько ему это помогло, но он использовал все, что могло продлить время его служения людям и Отечеству.

Кончина Алексея Нораировича была ударом для многих. Он настолько органично и прочно вписался в жизнь вообще и в жизнь ОИЯИ, что казалось, это навсегда.

Октябрь 2013 г.

В. Л. АКСЕНОВ

В бытность Алексея Сисакяна главным ученым секретарем ОИЯИ мне часто приходилось обращаться к нему за советом и помощью в решении многих научных и организационных вопросов. В те годы я возглавлял сектор биологических исследований в Лаборатории ядерных проблем. Надо сказать, что задолго до организации сектора как структурного подразделения этой лаборатории радиобиологические исследования на синхроциклотроне ЛЯП проводили сотрудники Лаборатории радиотоксикологии Института гигиены труда и профессиональных заболеваний АМН СССР. В начале 1960 года на территории площадки ЛЯП была организована лабораторная база этого института, смонтирован маленький «финский» домик во дворе Лаборатории нейтронной физики. И на этой базе начали работать первые сотрудники, постоянно жившие в Дубне, со статусом прикомандированных к ЛЯП. С началом космической эры и освоением околоземного космического пространства возникла острая необходимость в изучении биологического действия космических видов излучений. В декабре 1963 года в Москве был создан Институт медико-биологических проблем (ИМБП) Министерства здравоохранения СССР, возглавляемый академиком А. В. Лебединским, и специальное подразделение, руководимое профессором Ю. Г. Григорьевым. В Дубне при ЛЯП заработала стационарная лаборатория — филиал одного из подразделений ИМБП, которая являлась, по сути, базой для проведения работ по облучению различных биологических объектов разными видами ионизирующих излучений.

Позднее радиобиологические исследования на базовых установках ОИЯИ стали успешно развиваться радиобиологами, работавшими непосредственно в ОИЯИ, в созданном в 1978 году секторе биологических исследований ЛЯП при поддержке В. П. Джелепова. По мере расширения радиобиологических исследований в секторе я в 1988 году, будучи начальником этого сектора, обратился к В. П. Джелепову с предложением рассмотреть вопрос о создании в ЛЯП отдела биофизики, в рамках

которого можно было бы более широко проводить исследования на ускорителях Института, активно осуществлять международное сотрудничество. Венедикт Петрович мне сказал, что вопрос организации отдела очень непрост, необходимо мнение авторитетных специалистов из организаций, занимающихся исследованиями в этой области. Тогда я связался с коллегами из пушинского центра, где успешно работал Центр стран Совета экономической взаимопомощи, координирующий исследования в области биофизики. Мне была оказана всесторонняя поддержка, и я представил Венедикту Петровичу необходимые документы. Алексей Сисакян, когда я показал полученные письма о поддержке, был очень обрадован и сказал мне, что, конечно, нужно положительное решение Николая Николаевича Боголюбова — в ту пору директора нашего Института. В тот период Николай Николаевич жил в Москве, и Алексей позвонил домой супруге Николая Николаевича — Евгении Александровне. Он попросил ее и Николая Николаевича принять меня у них дома. Евгения Александровна сказала, чтобы я приезжал завтра. Это было в середине февраля, и в Москве стоял тридцатиградусный мороз. Я доехал до МГУ, где на центральной площади рядом с памятником М. В. Ломоносову в левой башне университета жил Николай Николаевич. Дверь в квартиру он открыл мне сам, в домашней одежде, провел в кабинет и спросил о деле. Я все ему объяснил, показал документы. Он внимательно их просмотрел, спросил, все ли визы собраны, и сказал, что это новое направление очень хорошее и перспективное. Подписал документы, и я, счастливый, не замечая мороза, отправился в Дубну. Приехав, я рассказал Алексею о своей успешной поездке и поблагодарил его за содействие и такую важную для нас поддержку.

Е. А. КРАСАВИН

Воспоминания об Алексее Сисакяне

Мы познакомились и подружились во время международной школы по физике частиц в Гомеле (Белоруссия) то ли в 1972, то ли 1973 году. В молодости (мне было тогда около 30) для меня было невыносимо находиться несколько дней подряд на одном месте (школа была организована на территории санатория на реке Сож далеко за городом). Я решил совершить большую прогулку, на 8–10 километров, в направлении Гомеля. Я дошел до какого-то города, думал, что это Гомель, но позднее оказалось, что это какой-то другой городок между Гомелем и санаторием, где проходила школа. В этом городке я встретил Лешу Сисакяна с Мишей Смондыревым. Так мы подружились, детали я опускаю, но с тех пор мы с Лешей (и Мишей тоже) стали действительно близкими друзьями.

Выяснилось, что мы могли учиться на одном курсе в Московском государственном университете, если бы меня не «затормозили» партийные органы в Словакии, которые в Москву послали тогда вместо меня другого студента, более подходящего (но не в науке). Они опасались, что сделаю горбачевский переворот в Москве уже в 1963 году.

Но я не жалею: с 1971 года мне удалось работать в ЛТФ Объединенного института ядерных исследований в Дубне, и это оказалось для меня очень полезным, теперь я думаю, что лучше Московского университета. Тогда теоретики часто не выезжали за границу, как сейчас. Большинство из них (можно сказать, лучшие) весь год находились в лаборатории и занимались наукой. Как следствие два-три раза в неделю организовывались научные семинары по физике элементарных частиц. Вот это была школа для нас, молодых!

В лаборатории и Доме ученых я иногда встречался с Лешей, узнал о его знаменитом отце, покойном академике Н. М. Сисакяне. Мое общение с Лешей стало более интенсивным после моего визита в Армению.

Весной 1975 года из лаборатории меня направили на Школу по физике частиц в Ереван, в которой, как я помню, участвовали И. Д. Бьёркен и В. Берестецкий. Для нас были организованы разные экскурсии, включая поездку в Аштарак — место рождения академика Н. М. Сисакяна. Об этой поездке в Армению я рассказал Леше, и с тех пор он меня призывал приехать на машине в Дубну, чтобы потом вместе отправиться через Кавказ по Военно-Грузинской дороге в Армению, где обещал лично показать мне все самое интересное. Однако нам так и не удалось осуществить эту совместную поездку, о чем я очень жалею.

Последний раз мы делились воспоминаниями и планами во время его визита в Братиславу весной 2010 года вместе с Президентом России Д. А. Медведевым. Мы посетили хороший ресторан в старом городе, помню, он хотел что-то легкое. Заказал рыбу. Выпил две кружки пива. Потом сам не мог поверить, что был способен (мы все знали о его проблемах со здоровьем) выпить столько пива... Помню, мы сравнивали названия принимаемых нами лекарств.

После хорошего ужина мы пошли гулять по улицам старого города, и сразу он встревожился и сказал: «Я забыл в ресторане пальто, а там в кармане камера». Персонал в ресторане я до ужина предупредил, кто такой Алексей Сисакян. Поэтому пальто мы нашли висевшим на месте и в нем целую и невредимую камеру.

Через пару недель Алексей ушел от нас навсегда. Институт в Дубне потерял очень конструктивного, энергичного организатора науки, который дал необходимый толчок Институту для того, чтобы он снова стал притягательным для ученых не только из стран-участниц, но и всего мира.

*Станислав ДУБНИЧКА,
полномочный представитель
правительства Словакии в ОИЯИ*

Алексей свет Норайрович

Как правильно благодарить судьбу за то, что она бывает благосклонна и выбирает в проводники тех, кто счастливо определяет твой путь? Наверное, долгая и добрая Память о них, о тех, кто уже, к сожалению, ушел, — это лучшее (и, пожалуй, единственное), что должно быть непреклонно в наш век безумных скоростей и абсолютной нехватки времени на самых дорогих и близких.

Трудно сейчас вспомнить, когда и при каких обстоятельствах первый раз мне довелось увидеть Алексея Норайовича, — наверняка, на февральской конференции Объединения молодых ученых и специалистов (ОМУС) в 1997 году. В то время я уже знал от ребят из общежития и Лаборатории ядерных проблем, что возрождение молодежного актива в ОИЯИ — инициатива и большая забота вице-директора Сисакяна, который сам из молодежных «вожаков». Несмотря на то, что он серьезный ученый-теоретик со множеством институтских забот, он находит время заниматься административными вопросами, добывает ресурсы для поддержки молодых, помогает и постоянно интересуется нашей «производной». К тому времени у нас была инициативная молодая команда из разных уголков нашей страны, возглавляемая М. Назаренко и А. Чуриным, которые собирали нас довольно часто для мозгового штурма: а что же нужно ОМУСу от дирекции ОИЯИ и что мы сами можем дать Институту (из которого мы не уехали), своими силами? Мне был поручен, в частности, спорт. Конечно, нашей постоянной «рабочей» структурой-поддержкой был Учебно-научный центр (УНЦ). И нельзя не вспомнить здесь Светлану Петровну Иванову, к которой можно было всегда прийти с любым вопросом или проблемой, и всегда она находила решение. Но нашим главным «верхним» куратором был Сисакян, — касалось ли это бюджета ОМУСа, поиска выдающихся лекторов на наши школы, окончательного вердикта жюри по молодежным премиям (и вручения их — выбирался всегда, даже в выходные. А уж нам как приятно это было!) и многого другого.

Так вот со спортом и был связан мой первый эпизод общения с Алексеем Норайровичем — в ноябре 2002 года. В те годы я «капитанил» в сборной ОИЯИ по волейболу и каждый год ходил в дирекцию «пробовать» оплату времени в спортзале, покупку мячей и инвентаря для тренировок. Придя в приемную вице-директора в самом конце рабочего дня, я спросил у верного «стража» А. Н. — Марины Вениаминовны: «Можно ли попасть на прием к Сисакяну с моим вопросом?» Она, подумав и хитро прищурившись, ответила: «Вообще-то рабочий день кончился, но хотите — ждите». Наверняка знала по его настроению, что получится, — мудрая женщина (сколько она помогала и помогает мне с тех пор)! Через полчаса А. Н. вышел с кем-то из сотрудников уже в пальто. Увидев меня, посмотрел на Марину и спросил (вежливо!): «Чего нужно?» Я ему объяснил цель своего визита. Он сказал: «Ну что ж, пишите бумагу, подумаем». А у меня все было заготовлено заранее, и я ему дал на подпись письмо. Он, подписывая бумагу на двери, ерничая, что ловят «на ходу», сказал: «Вот у нас в ОИЯИ много кто разной ерундой занимается». Только слово «ерундой» было произнесено в средмашевском стиле. Я поначалу вскинулся, но потом сказал, что у нас не «фигня», а волейбол, и это лучше, чем по дворам с сигаретами да спиртным (хотел еще добавить, что не ожидал от вице-директора такой лексики, но, слава Богу, сдержался). Он улыбнулся и сказал: «А у Вас Аргумент! Ну, тогда удачи, поможем!» И позже, в различных ситуациях иногда слыша от него крепкое словцо, я уже воспринимал это не как брань, а как искусно (и всегда к месту) вставленное красноречивое усиление для безоговорочного убеждения собеседника в своей правоте или для безальтернативной и точной характеристики ситуации.

Несколько раз еще потом я имел возможность общаться с ним на мероприятиях ОМУСа и молодежных школах ОИЯИ. Всегда меня поражала способность этого человека на все и всех находить время и силы: общаться с молодыми и помогать, выступать для них с докладами, рассказывая и увлекая в любимый ОИЯИ.

Позже, в 2005-м, счастливая судьба свела меня с ним основательно благодаря Григорию Дмитриевичу Ширкову, который одним декабрьским вечером позвонил мне (он был у меня

незадолго до этого оппонентом на кандидатской), вытащил со смены на установку и попросил зайти к нему на разговор. Во время беседы он неожиданно для меня предложил стать его заместителем. Взяв время подумать (конечно, будучи впечатленным предложением работать в его команде), я отправился в командировку в Дармштадт на совместный эксперимент. По возвращении (сразу согласившись), на следующее утро был приглашен «перед светлые очи» нового и. о. директора ОИЯИ — Алексея Норайровича, который мне сказал: «Да, где-то я Вас видел и много слышал. Григорий Дмитриевич в Вас уверен. Теперь давайте поработаем вместе, должность у Вас очень ответственная!»

И началась совершенно новая, интересная жизнь: новые люди, новые знакомства. И мой шеф, и Алексей Норайрович с первых же месяцев моей работы привлекали меня ко всем интересным проектам. С кем только меня не познакомили в первый год работы, куда только не отправляли в командировки! Но эти наши нагрузки не шли ни в какое сравнение с тем, что успевал охватывать Алексей Норайрович: до обеда в Москве, после обеда — встречи у себя в кабинете в Дубне! Он успевал столько, сколько не успели бы пятеро молодых. Новые идеи, новые проекты, административные реформы, новые страны-участницы, «битва» за Институт и за его будущее — каждый день! Фантастический замес идей и энергии в одном человеке! И при этом он успевал создавать прекрасные, потрясающие, искренние стихи и не менее запоминающуюся прозу.

Творчество. Как-то он спросил у меня (незадолго до своего ухода): «Читали ли Вы мои произведения и как к ним относитесь? Только ответьте мне не как директору...» Я смешался, но потом сказал: «Читаю. Мои родители в восторге от Ваших стихов и мне их открыли. Но Ваша откровенность меня просто поражает, если даже не пугает. Я бы так никогда не смог открыть душу перед другими. Наверное, Вам это просто необходимо. Вам нужно делиться всем, что видите, что переживаете, чему научились. Это — как исповедь, чтобы снять груз с души. А в жизни у Вас было столько всего, что не каждый живой человек такое сможет вынести...» В моей семье мы действительно читаем его книги. Некоторые вещи невозможно спокойно читать, а многие его наброски и наблюдения просто ласкают

душу — например, его истории о моем любимом Крыме... У нас дома есть все его издания, и большая часть с автографами. Его стихи пронизаны благодарностью близким и друзьям за прекрасные моменты, которые они подарили ему в жизни: он человек очень благодарный, я уже писал, что его широкой души хватало на всех! Дружба. Говорит, что пишет ночами, ранним-ранним утром, поскольку бессонница из-за бесконечных забот дает возможность в предутренней тишине и в одиночестве излить душу. Думаю, что он прожил удивительно богатую и интересную жизнь. У него прекрасная семья и замечательные друзья, со многими из которых мне посчастливилось быть знакомым, — фантастический круг общения!

Еще две вещи, о которых я хочу обязательно сказать, — это два больших проекта, две колоссальные идеи в его жизни (конечно, это только те, в которых мне посчастливилось быть участником). Идея участия ОИЯИ в проекте создания международного линейного коллайдера ИС (даже с вызовом «прислужить» этот мегапроект на своей территории) и, конечно, коллайдер NICA, который стал его «всемирным».

Только человек широкого масштаба и чувства мог предложить идею размещения 50-километрового ускорительного центра в Дубне (фактически это «новый» ОИЯИ). Все было «раскручено» абсолютно всерьез: переговоры с директорами крупнейших мировых центров и министрами разного уровня, доклады на самых престижных конференциях и высоких комиссиях, преобразования и создание мотивации внутри Института. Сейчас, когда судьба проекта ИС неопределенна, мне видится, что Алексей Сисакян добился главного. К ОИЯИ, в результате работы его команды и его лично, привлечено самое серьезное внимание мирового физического сообщества и высочайших российских чиновников. Как к амбициозной организации, способной реализовать проект мирового класса. Именно это и нужно было «Нике» как возможному первому шагу, реализуемому на пути к проекту глобального уровня типа ИС. С командой теоретиков-единомышленников (Г.М. Зиновьев, А.С. Сорин и В.Д. Тонеев) ему удалось раскрутить маховик российского и международного участия в самом амбициозном, трудном и, пожалуй, главном проекте ОИЯИ на ближайшие годы. Физика больших множественностей была для него областью исследований с момента его появления в ОИЯИ. Вме-

сте со своей командой он предложил идею развития одного из лучших и «модных» физических направлений (предложенного в свое время еще академиком А. М. Балдиным) на базе существующей в ОИЯИ уникальной ускорительной установки. Собрал лучших экспертов: теоретиков, экспериментаторов, ускорительщиков со всего мира, убедил страны-участницы ОИЯИ и руководство Российской Федерации в том, что мы это сделаем. И вот уже несколько лет работает огромный коллектив лаборатории (объединенной по его инициативе, кстати), в котором несколько молодых руководителей считают именно его тем, кто дал им «путевку в жизнь». Я бесконечно благодарен ему за предоставленный мне шанс участия в таком огромном деле, замечательном проекте, который сможет вывести ОИЯИ на совершенно новую качественную орбиту. Он позвонил мне в июле 2007 года в Прагу, где я читал лекции, и сказал, что ждет меня на следующий день в Дубне, чтобы я подъехал завизировать приказ о моем назначении в ЛВЭ. Поручив мне такой серьезный фронт, он «пас» и подстраховывал меня каждый день, абсолютно доверяя, но собственным примером показывая, как много нужно отдавать Институту и насколько серьезно и высока ответственность в этом новом проекте.

Не могу не сказать о том, насколько «широкий» и щедрый человек он был (был!?): включить в соавторы серьезной работы или коллектива на премию Правительства (авансом в моем случае) — это все настраивало на желание максимально исполнить все то, о чем он просил и что предлагал. Этот замечательный человек излучал свет и давал энергию всему, чего он касался и в ком участвовал, он бесконечно любил наш Институт. Трудно что-то придумать, когда за тебя умные люди все сказали: «Его нам очень не хватает...» Его любимая Дубна уже увековечила его имя в названии одной из улиц нового города. Но «старая добрая» Дубна, полная замечательных традиций, сохранившихся благодаря и ему, еще должна воздать должное его личности. Новые базовые установки ОИЯИ, создаваемые по его идеям, и выдающиеся результаты, которые будут получены на них в Дубне, станут лучшей памятью ученому, гражданину и поэту.

Дубна–Германия–Китай–Москва–
Иордания–Дубна,
октябрь–ноябрь 2013 г.

Г. В. ТРУБНИКОВ

•••

Писать об Алексее Норайровиче Сисакяне и очень легко, и очень тяжело. Легко оттого, что знаешь, что писать, а тяжело потому, что уже более четырех лет Алеши нет с нами. Его жизнь оборвалась в самом расцвете его свершений.

Алеша прошел путь, который проходят те, кому суждено стать святыми. Он рано потерял отца — замечательного ученого и организатора науки. Очень рано ушел и его старший брат Иосиф Норайрович (Ива), которого Алеша очень любил. Но самое страшное испытание — это смерть дочери, убитой в пятнадцать лет. Много лет прошло, но, как сегодня, я помню этот страшный суд, улыбку убийцы и мужество Алеши.

Алеша перенес все испытания. Он сделал прекрасные работы, защитил докторскую диссертацию, стал членом-корреспондентом, а затем и академиком.

Вся жизнь Алеши была связана с Дубной, с ОИЯИ. Будучи прекрасным организатором, он в течение многих лет был вице-директором Института, причем в самые трудные годы как для ОИЯИ, так и для всей нашей науки. Затем он был выбран директором Института, а потом и переизбран. Увы, его второй срок оказался очень коротким.

О работах Алеши, о его организаторской деятельности лучше напишут те, кто работал с ним. Я же хочу рассказать об Алеше как о человеке, которого я знал всю его жизнь. Это не преувеличение: дело в том, что мы жили с ним в одной квартире — общежитии докторантов, трое из которых, в том числе отец Алеши, стали академиками. Алеша родился в один день со мной, правда, на семь лет позже, так что я видел его еще в младенческом возрасте. Семейная легенда гласит, что крестить Алешу возили его бабушка и тетя моего отца, жившая с нами.

В те годы я дружил со старшим братом Алеши — Ивой, с которым мы стали однокурсниками. Я хорошо помню, как мы с Ивой готовились к вступительным экзаменам на физфак МГУ. Нам помогал мой отец. Помню, как накануне экзамена

по физике он взял нас на прогулку по Москве-реке, чтобы мы проветрились.

С Алешей мы стали близки много позже. Мы с женой поехали на защиту его кандидатской диссертации, помню высокую оценку, которую дал ей Николай Николаевич Боголюбов. Помню также радость и гордость, переполнявшие маму Алеши — Варвару Петровну, выступившую на банкете с яркой речью.

Об Алеше-человеке, мне кажется, очень наглядно говорят его воспоминания. Ни в одном из них нет ни одного слова о недостатках тех, о ком он писал. Алеша в каждом хотел видеть только хорошее.

Алеша очень заботился о своей семье: о благополучии живых и о памяти ушедших.

Еще мне хочется сказать о том, каким он был другом. Я знал, что всегда могу обратиться к нему с просьбой и он сделает все, чтобы ее выполнить.

Алеша всегда помнил то хорошее, что ему сделали. После смерти Норайра Мартиросовича мой отец взял Алешу под свою опеку, и Алеша помнил об этом. Он вместе с Владимиром Георгиевичем Кадышевским много сделал для того, чтобы в Дубне появилась улица имени моего отца. А затем, когда отмечалось столетие со дня его рождения, помог появлению улицы его имени и на его родине — в Сестрорецке.

Алеша был разносторонне талантливым человеком — он писал стихи, и совсем недавно я перечитал их. Они навсегда запомнились мне своей искренностью и мудростью. Но, перечитав их заново, я поразился тому, насколько они профессиональны. Алеша был настоящий поэт, без всякой скидки на то, что физика была главным делом его жизни.

Еще мне хочется сказать, что, хотя Алеша и прожил очень мало, но все же он прожил на 6 лет больше Норайра Мартиросовича и на 7 лет больше Ивы. В этом заслуга Наташи — Алешиной любви, подарившей ему счастье и любимую дочь — Настю.

Алеша продолжает собирать друзей и после своей кончины. На конференции в Дубне и Ереване, посвященной его памяти, прозвучали прекрасные и очень правильные слова в его адрес. Я помню экскурсию в Аштарак — родовое гнездо, где ныне открыт музей Норайра Мартиросовича. Мне кажется, что теперь

это должен быть музей двух академиков — отца и сына или музей семьи Сисакян.

Мне хочется написать несколько строк об этой замечательной семье, которую я имел счастье близко знать. С Норайром Мартиросовичем я больше всего общался в Мозжинке, где мы с Ивой готовились к поступлению в университет. Запомнилось его остроумие и четкость высказываний. Варвара Петровна фактически благословила мой брак. Встретив нас с женой, она сказала ей, что теперь за Юру она спокойна. У Варвары Петровны, по сути, была готова диссертация, но когда ее спрашивали, отчего она ее не защищает, она отвечала, что трое ее детей — это три ее диссертации. Мне кажется, что, учитывая достижения ее детей, разумнее говорить о трех докторских диссертациях. Лучше всего я знал Иву. Ива сочетал дар теоретического предвидения с блестящими организаторскими способностями.

Я не сомневаюсь — именем Алеши назовут улицы в Дубне и Армении. Что же касается нас, его друзей, то, пока мы живы, он будет с нами.

Ю. С. ВЕРНОВ

Алешенька — так я называла Алексея Норайровича не только в разговорах с ним, но и тогда, когда думала о нем, говорила с мужем.

Вся семья Сисакян воспринималась мною с самого начала как родственная. А узнала я о них при трагических обстоятельствах. Был март 1966 года, Юрий Сергеевич ухаживал за мной и прилетел в Ереван, где я работала, чтобы поздравить с днем рождения. В один далеко не прекрасный день, открыв газету, он увидел некролог Норайра Мартиросовича и, естественно, очень расстроился. Юрий Сергеевич рассказал мне обо всей семье, его огорчало и то, что он не мог быть в это время с близкими ему людьми и даже не мог послать телеграмму, так как Иосиф Норайрович, как и он, был в то время аспирантом Евгения Львовича Фейнберга, а Юрий Сергеевич уехал ко мне, не поставив руководителя в известность. Я так пространно рассказываю об этом, потому что была поражена реакцией Алексея Норайровича на эту историю. Прошло много лет, в одном из наших последних разговоров по телефону (были новогодние каникулы, и разговор был долгим) я рассказала ее Алексею Норайровичу. Прошло около полугода, был банкет в Доме международных совещаний, мы с Алексеем Норайровичем спускались по лестнице, и вдруг он сказал: «Ты знаешь, на меня очень большое впечатление произвел твой рассказ о том, как ты узнала о папе». Я была поражена, не знала, что сказать, а потом поняла, что если бы он не был таким тонко чувствующим человеком, то и таких пронзительных стихов написать бы не смог. И в который раз сердце оборвалось от жалости — как с такой чувствительностью было пережить жуткое горе и не сломаться.

На суде над убийцей Анечки хотели всячески ограничить присутствие людей со стороны Сисакянов, ссылаясь на ограниченность места в зале, и заявили, что будут пускать только родственников. Мы остановились в нерешительности, и тогда Иосиф Норайрович, взяв меня за руку, потянул нас с Юрием

Сергеевичем через милицейский кордон со словами: «Родственники, родственники». Так Сисакяны стали мне родственниками. Их родственное отношение я ощущала всегда и ощущаю до сих пор. Как самые близкие люди, братья пришли к нам домой после кончины отца моего мужа, мужчины вспоминали прошлое, общую жизнь в общежитии докторантов, последующие годы.

Помнится еще, когда Алеша подарил нам первую книгу своих стихотворений, Юрий Сергеевич на следующий же день начал ее читать, не мог не поделиться со мной, и я вначале услышала, а потом уже прочитала ее. Было видно, как Алеше приятно услышать эту историю. Потом он дарил нам и все другие сборники, а через нас и сестре Юрия Сергеевича — Елене Сергеевне, родившейся двумя месяцами позже него.

Пишу об Алексее Норайровиче в прошедшем времени и не верю, не могу смириться. Они все со мной, Сисакяны.

Мелита МНАЦАКАНОВА

Жизнь человека коротка,
И только память вечна...

А. Н. Сисакян

Человек поразительной «сердечной избыточности». Уникальный — при всех его званиях и достижениях, при его положении в обществе был лишен и тени высокомерия, заносчивости, ханжества. Его доброта и личное обаяние проявлялись во всем. Физик с мировым именем, но для меня он был больше лириком по своему восприятию мира. Цельная личность, сочетавшая в себе детскую непосредственность и даже наивность, талант ученого и поэта, твердость и силу духа. Он — это опора для своей семьи, друзей, Института, который возглавлял, университета. В трудный момент готовый подставить плечо.

В семье Алексея, Наташи и Насти я жила во время своей учебы в университете «Дубна». Алексей Норайрович относился ко мне как к родной, хотя я племянница его жены Наташи. Называл он меня с присущей ему иронией — Оксанометрией. Вечно подшучивал. Всегда проявлял заботу и участие в моей жизни. Он настолько добрый и веселый, что в семье его ласково называли Леликом. Это имя очень ему шло.

Он любил простые и понятные истины: свою семью, друзей, дело, которому посвятил всю жизнь, родину. Всегда много работал: редко возвращался домой до ужина, даже в выходные он отправлялся в Институт. А ночами писал, писал как физик и лирик. Его «лирофизика» рвалась на свет, все «рифмы шуршащие — спрятанные слова» требовали, «чтоб на листке рука те строчки записала». А спать он приучился в дороге: в машине, самолете, поезде... Его рабочий график был слишком насыщен, но он всегда был полон сил и планов, выставлял самую высокую «планку» для себя самого:

Превозмогать судьбы пределы
Нет силы с прыткостью юнца,

Но до меня ей нету дела —
Пусть так и будет до конца...

Как будто его собственные строки: «Мужчины до шестидесяти лет в моем роду не доживали, нет...», — довели над ним, и он не хотел терять ни минуты своей жизни, боялся не успеть сделать всего того, что мог и должен был сделать:

Так пусть на это все мне хватит сил,
Чтоб рядом были те, кто сердцу мил,
И много новых дел, событий, строк
Еще послал мне милостивый Бог...

В редкие часы досуга Алексей Норайрович любил неспешно прогуливаться по тихим улицам ставшего родным города и по набережной Волги.

Он был радушным хозяином, любил собирать родных, друзей и коллег за большим столом. Своих гостей с удовольствием угощал собственноручно приготовленными блюдами. Он — прекрасный семьянин, замечательный, очень трепетный отец. Он крестный отец моего сына Алеши. Несмотря на то, что Алексей Норайрович ушел из жизни, когда крестник был совсем маленьким, Алеша помнит крестного и грустит, что его нет рядом. Но я точно знаю, что Лелик с нами, и мы всегда будем пребывать озаренные его светом, любовью и опекой.

О. ОХРИМЕНКО

Я имел счастье заочно познакомиться с Алексеем Норайровичем, послав ему со Страшимиром Мавродиевым мини-книжку со своими стихами и рисунками. Ему она, наверное, очень понравилась, и он прислал мне свою последнюю книгу «Дружба. Творчество. Память» с дарственной надписью-посвящением — это было в начале 2010 года. Для меня было удовольствием, кроме этой книги, прочитав также его двухтомник.

Стихи его так мне понравились, они настолько изящные и человечные, что я начал потихоньку переводить некоторые из них на болгарский язык. Более того, не раз использовал его прекрасное стихотворение о постижении природы в своих презентациях. Наконец, в болгарской газете «Литература и Общество» мне предоставили страницу, где опубликовано несколько его прекрасных стихов в моем переводе.

Так у нас будет жива память об Алексее Сисакяне не только в кругу ученых, но и среди людей, которые не занимаются физикой, но прикоснулись к его прекрасной поэзии.

Я храню о нем светлые воспоминания по рассказам моих коллег и его друзей, но, к сожалению, сам так и не успел с ним познакомиться.

*Бойко ВАЧЕВ,
Институт ядерных исследований
и ядерной энергетики
Болгарской академии наук, София*

Alexei Sissakian Reminiscences

It is hard to accept that Alexei Sissakian is not anymore with us for more than three years. I first met Alexei in Waxahachi, Texas, in the summer of 1991. At that time there was a lot of activity and preparation to build the SSC in the US, the ill-fated Superconducting Super Collider.

The Soviet Union era was coming to the end and JINR was going through a very difficult period. Many Dubna scientists were looking for collaboration abroad, especially in the US. Alexei, then the vice director of JINR, was visiting the SSC headquarters to strengthen the participation of JINR in this ambitious project. He immediately struck me as a very intelligent and polite yet extremely energetic person. My Rockefeller University group had started a collaboration with Julian Budagov's Dubna group, and other American institutes, to develop a radiation hard calorimeter for the forward region of the SSC detectors. Our approach was to use argon gas at high pressure as its sampling medium. After a few years of intensive R&D and testing of a few prototypes, we were able to characterize this technique and prove that it would work. Alexei correctly foresaw the potential of this project from the very beginning and gave continuous support to our effort which was crucial for its success.

In 1992 Alexei asked me if I would be interested in becoming a member of the JINR PAC for Particle Physics.

Without hesitation I answered positively and soon thereafter I was elected and joined the PAC. I served until 2007. As I said above, these were hard times for JINR. Hard decisions, especially towards reduction of the number of projects and the staff, had to be taken. I vividly remember how attentive and what a careful listener Alexei was with our suggestions. He, and Vladimir Kadyshesky, masterfully navigated the JINR ship through extremely threatening storms, doing their best to keep a strong scientific program while consolidating the number of projects and minimizing the human suffering by pursuing only the absolutely necessary staff reductions.

In 1996 I left the US and returned to Greece as a Professor in the Physics Department at the University of Athens. In discussions with Alexei and Vladimir Kadyshevsky, then the director of JINR, the idea came forward to make Greece an Associate Member of the Institute. I remember both men saying that they would be elated to see the flag of Greece, a country with such a long and great history, flying amidst the flags of the other member states in front of the Administration building. On the other hand, this would be a tremendous advantage for Greece as, becoming a member of one of the largest and most diverse institutes worldwide, would give a strong boost to its educational, scientific and technological advancement. Alexei and Vladimir devoted a lot of their time to make this a reality. They visited Greece several times to meet with Greek officials. They also invited Greek officials to visit Dubna. Unfortunately, mostly because of the intransigence and the lack of vision from the part of the Greek politicians, this dream has not materialized yet.

In retrospect, I am convinced that both Alexei and Vladimir believed that getting Greece to become an Associate Member of the Institute would mostly benefit my country. Personally I have not given up in its pursuit. If it ever happens it will be a tribute to Alexei's memory.

In 2008 I was elected to become a member of the JINR Scientific Council. Alexei was serving his first five year term as the director of JINR. The worse times were over, the Institute's financial situation had started improving impressively and one could look forward to some new big project. It was during that time that the idea to build a heavy ion collider in Dubna was born. It was named NICA. Alexei's contribution to the formation of the concept and the initialization of this project was decisive. Today it constitutes the flagship project of JINR. Also it was during that time that Alexei put Dubna on the map as one of the possible sites for hosting the International Linear Collider, the next big electron-positron machine.

Alexei was a superb administrator, a great scientist and a fine human being. A humanist-scientist, strong believer in the principle that "Science Brings Nations Together". A man with an infinite source of energy — many times I wondered if he was ever getting any sleep — he was paying attention to every single de-

tail. He worked hard to stop JINR's decline, to stabilize it and to make it again one of the best research centres on earth. Always sensitive and supportive to his colleagues, and generous and loyal to his friends. I considered myself lucky and privileged to meet, know and associate with him. His memory will always be with us.

The University of Athens, Greece,
30 September, 2013

Nikos GIOKARIS

Reminiscence

The information about the passing of Academician Alexei Norairovich Sissakian came unexpectedly and saddened all Polish employees of the Joint Institute for Nuclear Research and those in Poland who were associated with the Institute and who knew the deceased.

Although I was not among the closest colleagues nor acquaintances of Alexei Norairovich, as I was affiliated with the Institute in Dubna since 1970, I had multiple opportunities to observe his research and organizational activities and collaborate with him — first as a member and then a chairman of the Programme Advisory Committee for Condensed Matter Physics — and later as a member of the JINR Scientific Council lead numerous interesting and informative conversations with him.

My contacts with Alexei Norairovich allowed me to admire his extensive knowledge and academic talent, his exceptional organizational capabilities and his ability to engage in frank and friendly conversation with everyone, as well as his passion for humanities and literature which he displayed as an author of beautiful poems.

Alexei Norairovich's contribution to JINR was of special merit during the times difficult to both Russia and other member countries. First as the vice-director and later as the director of the Institute, he enabled the survival of this huge international research centre and its subsequent fast development. His actions helped JINR to become a vibrant research institute it is today, conducting world-level research into elementary particles, nuclear physics, condensed matter physics, biology and medicine; and being actively involved in the development and implementation of advanced technologies, and dedicated to its educational goals.

Alexei Norairovich always paid close attention to successful collaboration between JINR and the best world research centres, but most importantly to strong and broad cooperation with research laboratories in the member countries. Polish employees of JINR and Polish groups responsible for organizing this collaboration always felt supportive interest Alexei Norairovich expressed to-

wards cooperation between JINR and Poland. Alexei Norairovich visited Poland several times to popularize the activities conducted at JINR and to participate in academic seminars. The leadership of the Polish laboratories which Alexei Norairovich visited was honored to welcome him, and we believe that he felt very comfortable in Poland. His visits strongly contributed to high level of involvement Poland had in ZIBJ, the involvement he himself supported a great deal.

Alexei Norairovich always paid special attention to attracting young people to JINR and should be recognized for his particular engagement in terms of educational activities at JINR. This engagement resulted in creation of the JINR University Centre, a unit crucial to the Institute's educational activities. In recent years, Poland, benefiting from the structure and activity of the UC and Bogoliubov–Infeld Programme, has been able to send to Dubna a few hundreds of high school teachers along with their students, university and PhD students for research trips, summer schools, seminars and internships, and preparation of diplomas and doctoral theses. We must admit that the support Alexei Norairovich rendered to educational activities at JINR and UC was met with great respect by the members of groups travelling to Dubna, who had the opportunity to experience great science practiced at JINR and in everyday life and culture of modern Russia.

We in Poland will never forget our great Friend Academician Alexei Norairovich Sissakian.

Adam Mickiewicz University
Poznań, Poland,
12 October 2013

Prof. Wojciech NAWROCIK

Alexei Sissakian and His Italian Friends

The tragic news arrived on a quiet May evening and was regrettably immediately confirmed by JINR: Academician Alexei Sissakian, Director of the Joint Institute for Nuclear Research in Dubna had abruptly passed away. He was a great friend and sincere supporter of Italian physicists and Italy. He was a researcher of brilliant talent and, also, an expert manager who for years advanced the presence and influence of JINR in the scientific world. He graduated from the Lomonosov Moscow State University and started his scientific career at JINR's Laboratory of Theoretical Physics under the leadership of its director Academician Nikolai Bogoliubov. In 1989 Sissakian became Vice-Director of JINR, and it was on that occasion that I had the pleasure to get to know him, and our mutual understanding turned out to be perfect. Since 1968 a fruitful Italian–Soviet collaboration has been under way between physicists of the Turin University and INFN, of the National Laboratories of Frascati and JINR in the field of experimental physics and nuclear physics of intermediate energies. Launched at the synrocyclotron of the Laboratory of Nuclear Problems, the collaboration went on at the LINAC-Laboratory LEALE of Frascati of the INFN. In 1975 Professor Villi, President of INFN, together with Academician Bogoliubov signed an Agreement of collaboration which is still in force. At the same time, a collaboration was also established between the Institute of Nuclear Research of the Academy of Sciences and the Laboratory of Cosmogeophysics of Turin for the joint underground research of cosmophysics at the Caucasus and Mont Blanc laboratories. Being, naturally, well informed of these initiatives and interested, Sissakian kept an eye on us and always rendered help. The LNP synrocyclotron being stopped in 1979 for introducing technological improvements, our Italo-Russian “nuclear” groups were transferred to LEAR of CERN, first, to carry out the PS-179 experiment for studying the annihilation of antiprotons with the surface nu-

cleons of nuclei and multinucleonic interactions in nuclear matter and, then, for studying Pontecorvo reactions and meson spectroscopy with the aid of the OBELIX spectrometer. By the end of the 80s the Dubna–Turin collaboration realized, with the help of the Laboratory of Nuclear Problems, led by N. Russakovich, the DISTO spectrometer at Saturne of Saclay for studies of strangeness production by polarized protons. The support rendered to this new initiative by Sissakian was essential. In the meanwhile the JINR synchrocyclotron was transformed by Academician V. P. Dzhelepov into a phasotron producing new pion beams. I became also the Scientific Adviser of the Italian Embassy in Moscow. The Italian Ministry of Foreign Affairs approved in 1992 a financial plan for the support of research in Russia. Taking advantage of the experience we had meanwhile accumulated, our group of Italo-Russian physicists launched a thorough study with a target at atmospheric pressure of pion-helium4 interactions, paying particular attention to effects due to nuclear quark structure. This type of collaboration continues to permit an exchange of young scientists also at the level of PhD studies. Different young Russians, to the extreme satisfaction of Sissakian, have followed the Doctorate course at Turin. An agreement has been concluded that equates the respective courses followed at Dubna and Turin. Sissakian was always engaged in research and parallel intensive pedagogical activities, coupled with a real passion for poetry. He, however, considered it a priority to be personally acquainted with the laboratories at which JINR physicists were engaged in research. I, also, had the great pleasure of introducing Sissakian to Prof. A. Zichichi at the INFN National Laboratory Gran Sasso, to convince him at CERN, in 2000, to support the collaboration of JINR and INFN in realization of the spectrometer COMPASS. I also several times enjoyed the real pleasure of the company of Sissakian, when he visited Turin and CERN, especially in 2008, when, together with Prof. Olshovski, he presented the Pontecorvo Prize to Prof. Zichichi. I believe that the impressive initiative of NICA, wanted and launched by Sissakian and at present under way, will have the same merited success as all the initiatives launched by Alexei Sissakian.

Guido PIRAGINO

Sissakian, Scientist, or Poet? Definitely, Scientist and Poet

It is very difficult to write in the past tense about a person who was and will remain your friend. In my mind, Alexei Sissakian continues to live two kinds of lives, one of them, known to everybody, the life of a very important physicist and leader of our institute, and the other life, that one of a poet, known only to those of us who have read his poetry. I have heard very late that he wrote verses. I didn't know the role this passion had played for him in comparison with his profession. To be a physicist of his value requires a total involvement; consequently, I thought that Alexei's poetry must be something of the kind that hits us in our young years when falling in love. What a mistake!

The two tomes of Alexei's verses which I have received from the JINR Directorate a few months ago were a great revelation to me. After reading them, I realized that Alexei Sissakian was a profound poet, in the very tradition of Russian Literature. Unfortunately, it is too late to understand which was his own attitude towards these two very different fields of human activities. Did he have a "theory" on the relation between Arts and Science, or was he only an "experimentalist in the field"? Alas, now it remains only to infer some of his opinions from his own verses.

But to do so, first we have to examine here some established ideas about the relation between Arts and Science. George Sarton (1884–1956), considered unanimously to be the founder of the modern History of Science, compared the two mentioned fields in his book *The History of Science and the New Humanism*. Sarton discussed the notion of progress in Science, which he regarded as being obvious and in a sharp contradiction with the evolution of the Humanist disciplines, Arts included. To the last ones, he denied any progress. According to him, while Science generally shows a constant ascendant trend, the Arts present a very diversified landscape, with mountains, valleys, rifts, etc., but without

showing a general tendency. Could we see any progress from Flemish portraits to the Cubist ones? Surely, now, in the perspective of more than eight decades after publishing the book on the New Humanism, Sarton's idea seems outdated at least in two respects. Even the notion of scientific progress must be examined carefully, as not being uniform. And the Arts admit a certain progress, too. Let us take yet another example from the realm of painting: the discovery of perspective in the Renaissance, for instance, resulted in a considerable improvement of the perception and reflection of reality.

Still, even with these amendments, the differences between Science and Arts remain notable.

Perhaps one day, the progress of Science will make Sissakian's articles less quoted, transforming them slowly into objects of the History of Science. But, like all his admirers, I am convinced that his poetry will remain unaffected by the passing of time. Such perennity remains the privilege of Sissakian the artist in comparison with Sissakian the scientist.

Human genius and talent come often full of surprises. Often, among the scientists, appreciated for their professional value, there may be hidden gifted and valuable artists, waiting like diamonds to be discovered by fellowmen and the general public. Hopefully, the coming generations will unveil sooner such gems than we were presented with Sissakian's poetry.

As a humble homage to my dear lost friend, I should like to present here the translation from Russian into English of some of his verses. And I hope that in the next future someone will take on the translation of a larger selection of verses, with a talent and competence matching Sissakian's.

Russian winter is a wonderful season, but somewhat too long for his Southern (Armenian) temperament. So, Sissakian wrote:

Mood

What a sour weather,
What a gloomy winter.
And while the houses cry,
Nature forces full decay...

Full moon alarms again.
Around, a full trammel

And to the dumb — happiness from madness,
To the clever — sadness from soundness*.

March, 2000

One of the disadvantages of being a director is to have to participate at many meetings where people often speak so much and communicate so little. One could only wonder whether Sissakian did not have the premonition of his time growing short. Perhaps this is why he wrote:

Be Concise

Let's depart from the custom
Of speaking long and without clarity.
What a pity for the time
Wasted in eternity...
2002

A scientist or a poet is a child of his time and lives in a real world but also in an illusory ivory tower. The awakening from a black period and the discovery of the truth and liberty inspired Sissakian to write the verses:

Liberty

Even if it sounds sad and strange:
Half of my life I loved the tyrant,
Half of my life I pitied Judah...
But now nor can I nor do I want.
1999–2002

So, to answer the question of who Alexei Sissakian was, a scientist or a poet, here is the suggested reply: he was both a Scientist and a Poet. Definitely, and with capital letters.

Gheorghe STRATAN

* Allusion to A. S. Griboedov's comedy *Woes from Wit*.

Щедрость души и преданность дружбе

Скоропостижный уход А. Н. Сисакяна из жизни и до настоящего времени в тех или иных ситуациях продолжает осмысливаться, а прошедшие годы без него дают возможность понять одну очень существенную истину нашего бытия: каждый человек есть особое явление в мироздании. И Алексей Сисакян был таковым. Он занимал в нашей дубненской жизни чрезвычайно неповторимое место, которое никто не сумел и не сумеет занять или восполнить.

Мы друг друга знали почти 40 лет. Больше в силу каких-то возникавших служебных и околослужебных обстоятельств, каких-то жизненных ситуаций. Общее, что нас в большей степени сближало, была комсомольская юность. Он чуть старше, я чуть младше, но причастность к общему комсомольскому братству нас объединяла на основе непонятого нынешнему поколению молодежи состояния души и сердца, остающегося каким-то особым мериллом для поступков человека, его места в жизни.

В ОИЯИ он стоял у истоков создания первого Совета молодых ученых. Стал лауреатом премии Ленинского комсомола, в числе которых был и В. А. Матвеев, ставший его преемником на посту директора ОИЯИ. Менялись комсомольские поколения, шли годы, но Алексея все равно знали, потому что он никогда не разрывал свою биографию с комсомолом, не бросал камни в его прошлое.

В первые постсоветские годы общество активно трансформировалось и некоторые из говорунов и активистов советской эпохи (а я их довольно хорошо знал, в том числе и в научной сфере) как-то быстро стали мимикрировать, нет-нет да и пиная свое прошлое и прошлое своих отцов. Алексей не был ортодоксом, отдавал должное той эпохе, но и сдержанно, и справедливо отмечал ее «темные пятна». Что касается комсомольской памяти, то для него очень многое было свято, и периодические

комсомольские «сходки», собиравшиеся в последние 15 лет, он не пропускал (исключением было лишь отсутствие его в стране).

Последнее такое собрание с его участием было у нас в октябре 2008 года, к 90-летию ВЛКСМ. Зная, какой у него насыщенный график, я приглашал его по телефону без твердой уверенности, что придет, но он живо откликнулся, уточнил время, место. Дал согласие и на второе предложение — найти время сняться в фильме, который делали на дубненском телевидении. То, что он говорил на встрече и в фильме, — блестяще! И по отношению к комсомолу, и по отношению к современности и молодежи.

И еще одна существенная деталь. Как-то давно, уже на закате своей комсомольской работы, я написал летопись комсомола Дубны. Прошло 30 лет, и я вновь к ней вернулся. Возникла идея дополнить ее документами и воспоминаниями участников событий. Многих попросил, но лишь единицы что-то написали. С безнадежностью обратился к Алексею, а он сразу согласился, попросив напомнить. При очередной встрече я поинтересовался — сделал ли? Он извинился, и через две недели его секретарь Марина переслала мне воспоминания.

Только этот штрих о многом говорит. Для него не было больших, великих и малых дел. Занятый все последние 20 лет спасением ОИЯИ, затем стабилизацией его деятельности, а потом и его будущим, он за бесконечной чередой дел находил возможность заниматься, казалось бы, такими мелочами. Это сохраняло его связь с молодостью, со всем тем добрым и хорошим, что было тогда, в пору его юности. Вот что он написал в своих воспоминаниях: «Нам есть чем гордиться — много полезных дел для Отечества вынесено на плечах моего поколения, поколения шестидесятников. Студенческая целина, стройотряды в различных уголках необъятной Родины, первые советы и объединения молодых ученых и специалистов, молодежные конкурсы, конференции, школы для молодых ученых, движение НТТМ (научно-технического творчества молодежи), первые физико-математические школы и олимпиады для школьников, молодежный патруль, горячие диспуты и поэтические вечера, агитбригады и студенческие оперы — все это ростки студенческого самоуправления времени “оттепели” на физфа-

ке МГУ... Вот неполный перечень начинаний, в которых моим товарищам и мне довелось участвовать, вложить частичку своего труда и пота... Что-то из этого перечня кануло в Лету, а что-то прошло проверку временем и живет, развивается в новых условиях, а новое поколение черпает силу из источника, родившегося во времена комсомольской молодости моего поколения... В истории дубненского комсомола много ярких страниц... Было бы здорово, чтобы сегодняшнее молодое поколение унаследовало лучшее от замечательных ребят прошлых поколений. Комсомол воспитывал преданность делу, стойкость и державность. А эти ценности инвариантны относительно преобразований, происходящих в мире».

Пройдя хорошую школу жизни у своих наставников, непосредственно соприкасаясь с интеллектуальным и духовным богатством основоположников ОИЯИ, А. Н. Сисакян впитал в себя потребность заниматься молодежью. Он всегда держал в поле своего зрения ее проблемы, в том числе простые житейские, много думал о ее будущем, без нее не видел перспективы развития Института, тем самым продолжая в новых условиях исполнять одну из важнейших комсомольских традиций.

И здесь его вклад как одного из инициаторов и основателей Учебно-научного центра ОИЯИ, университета «Дубна», возрождения Совета молодых ученых неоценим. Порой он в своих инициативах, идеях по отношению к молодежи был даже впереди ее самой. Не чурался с ней встречаться, дискутировать, отвечать на вопросы. Не жалел на это времени. В 2003 году в администрации города появилась идея создать «Школу кадрового резерва», и Алексей ее поддержал и относился к ее деятельности всегда с интересом и не формально. Бывая на заседаниях попечительского совета, задавал там множество вопросов, выступал перед ребятами с лекциями, инициировал направление в состав школы перспективных институтских ребят, которые сейчас занимают те или иные руководящие должности. Чтобы встретиться со слушателями, что-то отменял в Москве, откладывал домашние заботы. Однажды на мою просьбу выступить перед слушателями дал согласие, будучи в командировке в Женеве. Вернулся в Дубну за полночь, а в 9.00 уже был на трибуне. Согласитесь, не каждый из нынешнего начальства пойдет на такие жертвы.

У меня вообще сложилось впечатление, что А. Н. Сисакян, если и отказывал кому-то в каких-то встречах, то только при особых обстоятельствах. По своим наблюдениям я сделал вывод: он считал нужным лично приветствовать на юбилеях ученых, старался бывать на самых различных обычных организационных и культурных мероприятиях, проводившихся в городе. На мой взгляд, его подвижность и мобильность, целеустремленность могут быть классическим примером в теории и практике «Public relations». Наиболее ярко это проявилось в неимоверных усилиях Алексея по формированию международного и отечественного имиджа ОИЯИ в новых политических и экономических реалиях, что еще должно быть осмыслено и по достоинству оценено.

Он был среди людей и старался помогать людям, их инициативам. Кому только за последние 20 лет он не приходил на помощь! Что греха таить, я и сам не раз просил его о помощи в финансировании каких-то не столь больших образовательных и культурных проектов, поддержке инициатив тех или иных людей или подсказывал им обратиться к Алексею Норайровичу, и это тогда, когда в ОИЯИ были проблемы с финансированием. Тем не менее он понимал, что другим живется еще не слаще и если им отказать, то можно загубить какое-либо дело.

Знаю из разговоров со многими людьми, что немало было ситуаций, когда его поддержка решала будущее целых семей, профессиональное будущее, человеческую судьбу. В этом отношении сейчас стоит рассказать о его живом участии в судьбе монгольского академика Н. Соднома. Его на родине, как и нескольких других видных ученых, в 1982 году обвинили в «заговоре», сняли с должности ректора национального университета и заведующего кафедрой и оставили на ней младшим научным сотрудником. Представьте себе, академик, представитель Монголии в МАГАТЭ, член Ученого совета ОИЯИ — и м. н. с.! Мне как работнику советского посольства тогда довелось читать секретные материалы о некоем заговоре монгольской интеллигенции, сфабрикованном секретарем ЦК МНРП С. Адьей в угоду жене Ю. Цеденбала А. И. Филатовой. В каких только грехах не обвиняли ни в чем не повинных ученых, в том числе и Соднома! Если бы были послевоенные времена, то его судьба оказалась бы такой же, как судьба его тестя — премьер-

министра Монголии Гэндена, которого расстреляли. Как в таких случаях бывает, вслед за несправедливыми наговорами и освобождением от должности нашлись мелкотравчатые доброты, занимавшиеся телефонной травлей Соднома, этого удивительного человека, гражданина и видного ученого, большого друга нашей страны.

Моральное состояние Н. Соднома было тяжелым. Когда я, приехав из Улан-Батора в отпуск, рассказал об этом А. Н. Сисакяну, он был удивлен услышанным. Ведь ученый, приезжая из Монголии на заседания КПП, никому не говорил о том, что с ним произошло, и не показывал вида, что что-то не так. Буквально сразу у А. Н. Сисакяна родилась идея вызвать Соднома в Дубну. После нашей встречи он обо всем рассказал Н. Н. Боголюбову, и тот поручил действовать по официальным каналам. В октябре 1985 года Содном побывал в Вене на очередной сессии МАГАТЭ, где А. М. Петросьянц сообщил ему, что в правительство Монголии на его имя отправлено приглашение Н. Н. Боголюбова приехать работать в ОИЯИ. Спустя пару лет Содном, успешно поработав в ЛНФ, морально восстановился, в Монголии изменилась политическая обстановка, и он, после избрания его президентом Академии наук Монголии, в июле 1987 года уехал из Дубны на родину.

А. Н. Сисакян был человеком разносторонних талантов, с разными личностными гранями, человеком огромной душевной широты. Будь он другим, наверное, еще бы пожил, многое сумел бы свершить. Он же жить так спокойно не мог. Слишком торопился все сделать и бесценную энергию свою отдавал слишком щедро.

*Н. Н. ПРИСЛОНОВ,
доцент университета «Дубна»*

С В. Г. Кадышевским. Дубна, 2006 г.

А. Н. Сисакян с сестрой Л. Н. Будаговой
и ее мужем Ю. А. Будаговым

В. А. Рубаков, А. Н. Сисакян, В. А. Матвеев

С В. Л. Аксеновым, Саров

С Г. Пираджино

С Н. Джиокарисом

С С. Дубничкой

С Г. Погосьяном

С О.Л. Кузнецовым. Дубна, 2007 г.

С Е.А. Красавиным. Дубна, 2009 г.

С В. Н. Трусовым

Слева направо: А. И. Лесникович, А. Н. Сисакян, Н. М. Шумейко,
Н. А. Русакович

А. Н. Сисакян, А. А. Рац, Н. Н. Прислонов

С В. И. Савриным

С Б. М. Старченко

С Ю. С. Верновым и М. Н. Мнацакановой

С Е. Р. Кураповой

А. Н. Сисакян, Н. И. Сисакян, Б. В. Гринев

Слева направо: Г. В. Трубников, А. Н. Сисакян, Р.-Д. Хойер

Ц. Вылов, А. Н. Сисакян, Е. М. Молчанов, О. Н. Карягина

А. Н. Сисакян, В. П. Саранцев, Ю. Ц. Оганесян

А. Н. Сисакян, М. В. Тавхелидзе, Д. Эберт, Н. И. Сисакян,
А. Н. Тавхелидзе

С дочерью Анастасией и супругой Натальей

Откройте дверь поэзии!*

Алексей Сисакян по своей человеческой натуре — сугубый лирик. Лирик, абсолютно искренний, вдохновенный, открытый настежь,— и открытость эта существует в двух бытийно-творческих ипостасях. С одной стороны, поэт экстравертен, как в детстве простодушен, начисто лишен притворства и фальши, весь, как говорится, нараспашку без утайки... С другой — он принципиально не закрыт (попросту не способен, и слава Богу, закрываться!) от каких бы то ни было внешних явлений, посяганий, впечатлений, о коих он мог бы сказать строчками Пастернака: «Я вами всеми побежден — и только в том моя победа». Поэтическая победа А. Сисакяна, явленная в этой предварительно итоговой книге, состоит в органике и единстве его внутреннего и наружного мира, в его выносливой незащитности, в доброте, в честности. В стихах книги кричит и бормочет, ликует и всхлипывает, весело празднует чужие рожденья и обессиленно хоронит самых-самых близких не просто чей-то личный лирический герой как литературно заостренное «эго», но — гораздо больше! — точно воссозданный сверстник, сопечальник, родственник автору современник. Стало быть, перед нами не просто автопортрет, но обобщенный наш с вами образ.

Важнейший цикл книги (а этот лирик мыслит и пишет циклами или, можно сказать и так, стиховыми кустами) назван «Дневник моей души», что представляется мне вообще ключом к сисакяновой поэтике.

Дневник моей души
Открылся перед вами.
Здесь в каждом образе —
Моя кардиоболь.
Мечты — мои холсты —

* Предисловие к сборнику стихов А. Сисакяна «Куст на тепло-трассе» (М.: Академкнига, 2004) // Сисакян А. Избранное в 2-х т. Т. 2. Энергия доброты. М.: Русский раритет, 2004. С. 266–273.

Написаны ночами,
А грезы — к пониманию пароль.

Да, муза А. Сисакяна именно дневникова — отсюда и прелестная жанровая пестрота, равная пестроте его полной, разнообразной и неизбежно перенасыщенной жизни. Неостывшие путевые зарисовки чередуются здесь с чуть старомодными элегиями, остроумные записи на полях соседствуют со строками завещания, реквиема, эпитафии, стихи альбомного склада сменяются острейшей публицистикой, сюрреалистические сны-фантазии — эскизами с природы, любовные черновики писем или почти песни — озорными афоризмами и язвительными миниатюрами... Как, повторяю, пестро и как хорошо, что пестро, но в пушкинском (думаю, что здесь проходит самая существенная для нашего автора традиция) понимании этого слова: «Прими собрание пестрых глав, полусмешных, полупечальных, простонародных, идеальных...».

Кстати, об идеальном. Конечно же, наш поэт — идеалист и романтик идеала, и посему лично для меня он, вопреки кажущейся старомодности, наущно актуален. Нынче, в пору всеобщей «амбивалентности», уравнивания добра со злом, верха с низом, а Бога с дьяволом, уже одна только определенность в предпочтениях и формулировках кажется нравственным максимализмом, отважной четкостью, заостренным вызовом душевной мути. Так я воспринимаю поэтическую философию А. Сисакяна — и она дает мне силы жить дальше, ставя свои точки над *i*, без смущенья говоря «да» и «нет», окончательно различая черное и белое. И при этом благодаря его стихам я ощущаю, что я отнюдь не одинока.

Люблю сисакянову гражданственность, не конъюнктурную, нет, но опять же — дневниковую (а кто сказал, что тетрадь ежедневника не может быть купелью могуче универсальных и всечеловеческих открытий?). Пример — посвящение нашего талантливого (предлагаю неологизм) лирофизика друзьям из Академгородка, не без легкой иронии озаглавленное «Оптимистическая трагедия»:

Это — рок, но и денно, и ночью
Без единой указки Кремля
Прирастает провинцией мощно
Терпеливой России земля.

И не ведает зритель московский,
Что, как исстари, рыбой об лед
Рвется ввысь из глуши Циолковский,
«Бедный гений» без слуха поет.

Впервые прочитав стихи А. Сисакяна в достаточном объеме и с должным вниманием, я — помню — воскликнула в письме к нему: «О, вы — поэт нетипичный: донельзя открытый, до странности добрый и какой-то нераздельно грустный-радостный...» В этом духе написала и не устану повторять.

Горестное счастье, болевой восторг, привычка к изумлению — все эти оксюмороны, все эти слившиеся воедино полярности уживались у А. Сисакяна внутри цельного и единого характера смолоду:

Весенним днем и я хожу веселый.
Вы видите, что я иду не грустный
От девушки, которая не любит, —

писал совсем молодой поэт в начале 1960-х, создавая собственную, оригинально-самобытную просодию. Не то мажор в миноре, не то минор в мажоре. С годами дивная, странная, пронзительно достоверная энергия неразделенности нашего лирика не покинула — найдите стихотворение 2002 года, давшее название книги.

Он — упрямо счастливый экзистенциалист, умеющий трагические ситуации и опасно пограничные состояния переводить в музыкальный заряд, в выстраданную гармонию, в креатив, в любовь к миру и к людям — назло унынию и вопреки всему.

В сисакяновых стихах сверхмного определений поэзии — он словно бы не может налюбоваться и наизумляться на свою вторую творческую участь (первая, главная, общепризнанная — наука), которая ему открылась и не оттолкнула. Он все никак не привыкнет к их альянсу, волнуется как мальчик, смотрит на свою любимую остраненно (от слова «странно») и говорит взхлеб, спотыкаясь в словах, небуднично. С кем он только ее, сокровенно милую, не сравнивает: «Мне боль сердечная — собака-поводырь, / Выслеживаем рифму»; «Стихи — фонарик — разобраться, / Что там под ребрами у нас»; «Мой стих — кораблик — ускользнет от рифа»; «Боль и слезы здесь взамен чернил»; «Стихи во мне, как брага, бродят»... И это только часть метафор, на которые А. Сисакян — мастер и которыми он то

всерьез, то не без смущенной улыбки аттестует свое святое ремесло. Все же не удержусь и процитирую еще одно из подобных определений, привлекательное в своем синтезе высокого и будничного, пафоса и доброй самоиронии, без которой не было бы нашего мудрого романтика:

В обыденности будней Лиру
Обидели, на гвоздь повесили...
Пустите Музыку в квартиру,
Откройте дверь Поэзии!

Без «гвоздя в обыденности будней» финальный призыв ничего бы не значил и никого бы не трогал, а с гвоздем — и звучит, и значит, и «никаких гвоздей». В этом (лирика — проза быта — трагизм — юмор — снова лирика) весь Сисакян и все его недюжинное обаяние.

Он многообразен ритмически: традиционно упорядоченные строфы и рядом — взвихренный верлибр. Он лбами сталкивает сочные созвучия внутри строки, а на месте обязательных рифм порою говорит созвучиям: «Вольно!» и словно бы объявляет неожиданный перекур. Он смело вводит научные термины в лирику, и законы высшей математики или физики, аксиомы, теоремы, гипотезы накладывает на беззаконья любви и нежности. Он насущно разговорную прозу жизни уснащает древними пряностями архаизмов. В стихах А. Сисакяна — множество неординарных «реплик» к полотнам великих художников, а порою он и сам становится их учеником в поэзии, обогащая свой лирический взгляд уроками и живописи, и мировой прозы, и науки, где он «сам большой», и кинематографа, и снова живописи. Вот лишь один из примеров — наугад:

...Парящий лайнер в равновесьи
И блюдца синие озер...
Как Гулливер, из поднебесья
На лилипутов пялю взор...

Уверяю вас, что так самоощущение человека в самолете еще не передал в словах ни один мастер. Но на то Алексей Сисакян и поэт, чтобы увидеть заново привычное и чтобы сказать о всеобщем исключительно по-своему.

Для А. Сисакяна весь привычный мир как идиома. По словарю: это оборот речи, значение которого не определяется значением входящих в него слов (непереводим на другой язык).

Так вот, наш поэт, ничего на другой, то есть внепоэтический, язык не переводя, постоянно взрывает изнутри расхожие истины и привычные обороты. В итоге он без нажима заставляет себя и нас услышать затертое и якобы банальное с позиций неоновизны — как впервые. И мы тоже с ним вместе воспринимаем мир заново — раскрывши рты от парадоксальной свежести. Снова и снова — бой идиомам ради полноценной жизни значений. К примеру, Алексей Сисакян, объясняя первостепенную задачу своей дневниковой лирики, пишет:

Есть одна привычка у меня —
Сочинять стихи на злобу дня —
И одна мечта простая: чтобы
День грядущий наступил...
без злобы.

Таков поэт: писать на злобу дня ради его доброты («Доброта дня» — называлась одна из книг злободневнейшего Бориса Слуцкого: невольная переключка поколений); жить в недрах современности, даже сиюминутности во имя достойного будущего; называть свою редкостную всеотзывчивость скромнейшим словом «привычка»...

Стихи — это слез (непролившихся) ком
И жизни моей недолистанный том...

Том избранной лирики Алексея Сисакяна вышел в свет — открытый (вернусь к началу) рост лирики продолжается...

6 июня 2003 г.

Татьяна БЕК

Избранные стихотворения А. Н. Сисакяна

Шальная мысль

Владимиру Георгиевичу Кадышевскому

И, Чаадаеву
 под статью,
Меня шальная мысль
 преследует,
Что роль России —
 показать,
Каким путем
 идти не следует...

Май 1999 г.

Покров

В мой день осенняя листва
К продрогшей мостовой пририта...
Покров святой — всегда защита.
Как, мама, ты была права,
Назвав младенца Алексеем —
Защитником, чтобы добро посеял...
Я сеял — всходы (где они?)
Покажут будущие дни.

13–14 октября 2004 г.

Прошлое

Сестре

Между нами так много случилось хорошего...
Жизнь течет,
 превращая все это
 в отрывки из прошлого.

В прошлом —

 мамина грусть
 и улыбка отца.

Наше прошлое с нами живет до конца.

Апрель–май 2005 г.

Ученым — основателям Дубны

Вам строить досталась счастливая доля,
Достойная лавров венца.
Мы счастливы будем, достанется коли
Нам это сберечь до конца...

Март 2001 г.

В ожидании

Татьяне Бек

Какое чудное мгновенье,
Когда приходит вдохновенье!
Какой невыразимый гнет —
Ждать:
Вдруг Он больше не вдохнет...

2002–2003 гг.

До конца

Ю. А. Трутневу

Не хочу, чтоб был
Сценарий средний,
Нам с тобой с руки
Такая прыть:
Выложиться —
Словно шанс последний,
А прицел такой,
Как будто вечность жить.

2 ноября 2002 г.

Планка

Слежу за прихотью судьбы,
Вставая утром спозаранку.
Она со строгостью судьи
Все выше выставляет планку.
Струной вытягиваясь гибкой,
Барьер я преодолеваю —
Она ж с коварною улыбкой
Все выше планку поднимает.
Превозмогать судьбы пределы
Нет силы с прыткостью юнца...
Но до меня ей нету дела —
Пусть так и будет до конца...

Март 2000 г.

Отцы и дети

У нас две проблемы: дураки и дороги...

Н. В. Гоголь

Насте, Наде, Оксане посвящается

Почему так сложен и тревожен
С юностью натужный разговор,
И какой ответ сейчас возможен
На вопрос, звучащий как укор?
Не смогли, не вышло, не сумели...
Что ответить в суматохе дел?
Жили мы, печалились и пели,
То, что вышло, — это наш удел.
То дурак мешал нам, то дорога...
Скоро сами убедитесь в том:
Не судите предков слишком строго —
Не судимы будете потом.

2001 г.

Друзьям детства

М. Савельеву, В. Саврину, А. Бойко

Мы тянулись обычно к хорошему,
Но, сгорая порой от стыда,
Мы бутылку портвейна поплоче
Распивали в окрестных садах.
Под душевные споры о ведьмах
Мы тихонько смолили «Дукат»,
О девчонках грустили, не ведая
Наших будущих взрослых утрат.

2000 г.

Воплощение

Настеньке

«Умысел проявляется в действии»,
Целомудренность — в благоденствии,
И, благодарный судьбе,
Я — проявляюсь в тебе...

Ты не ушел в небытие...

Памяти учителя — Н. Н. Боголюбова

1.

Учитель, таинство твое
Я понял в этот час:
Ты не ушел в небытие,
А растворился в нас.

2.

Мы в расставанья горький час
И по себе чуть-чуть взгрустнем:
Ушедший отразится в нас,
Но мы не отразимся в нем...

3.

Друзья уходят... Мышцы рвутся,
И не выдерживает сердце...
Уж не на кого опереться
И не на кого обернуться.

1999–2000 гг.

Другу

Виктору Ивановичу Саврину

Цикады звенят, цикады
Симфонией в тишине...
Сегодня весь мир надо
Садам увидеть мне.
Сегодня я вижу ясно
В ночном голубом дыму
По-рериховски красный
Восход, пожирающий тьму.
Сегодня волну серебристую
И светлую солнца нить,
В себе все самое чистое
Другу хочу подарить.
Дрогнувшими глубинами,
Искрами звезд пьяня,
Небо глядит, как любимая,
С нежностью на меня...
Цикады, цикады, цикады
Сегодня всю ночь звенели
То нежною серенадой,
То вдруг — «Болеро» Равеля.

1960-е гг.

Снова в Тбилиси

Маие и Алеко Тавхелидзе

Над облаками в синей выси
Парю, задумчивый слегка,
Я улетаю из Тбилиси...
Пока, друзья мои, пока.

Сегодня взгляд я бросил странный
На чудо закавказских стран.
Впервые паспорт иностранный
Я предъявил... От старых ран
Ты не оправился, Тбилиси...
Унылых беженцев жилье
Ждет живописцев новых кисти —
Страданье выразить твоё.
Друзья состарились немного,
Черты их лиц мне так близки...
Их Пиросмани звал в дорогу,
На холст накладывал мазки.

Октябрь 2000 г.

Оптимистическая трагедия

Друзьям из Академгородка

Это — рок, но и денно, и ночью
Без единой указки Кремля
Прирастает провинцией мощно
Терпеливой России земля.
И не ведаёт зритель московский,
Что, как исстари, рыбой об лёд
Рвется ввысь из глуши Циолковский,
«Бедный гений» без слуха поёт...

Новосибирский Академгородок
Ноябрь 2002 г.

Теорема

Мозг, ерундой перегружен,
Вывел простейшую из теорем:
Если хоть одному ты нужен —
Значит, ты нужен всем...

1999–2000 гг.

Содержание

Вместо предисловия. <i>Б. М. Старченко</i>	3
<i>Л. Будагова</i> . Знаете, каким он братом был?..	5
<i>В. А. Матвеев</i> . Памяти Алексея Сисакяна, друга и соратника	16
<i>В. И. Саврин</i> . Воспоминания школьных лет.	19
<i>Е. Молчанов</i> . «Дружба. Творчество. Память».	25
<i>Г. Варденга</i> . Сердечная избыточность.	30
<i>Е. Курапова</i> . Эпизоды моих встреч с А. Н. Сисакяном.	35
<i>Ю. Ц. Оганесян</i> . Памяти Алексея Сисакяна.	38
<i>В. Г. Кадьшевский</i> . Слово об Алексее Норайровиче Сисакяне	40
<i>Т. и Б. Гринева</i> . Время не лечит	43
<i>В. Н. Трусов</i> . Алексей Сисакян оставил яркий след	45
<i>Л. Г. Мардоян, Г. С. Погосян</i> . Наш учитель и друг Алексей Сисакян	49
<i>Н. М. Шумейко</i> . Штрихи к «портрету» А. Н. Сисакяна	56
<i>Д. Эберт</i> . Наши встречи.	59
<i>С. Ч. Мавродиев</i> . Память о нем всегда жива.	62
<i>В. Л. Аксенов</i> . Уроки А. Н. Сисакяна	64
<i>Е. А. Красавин</i> . «В бытность Алексея Сисакяна...»	67
<i>С. Дубничка</i> . Воспоминания об Алексее Сисакяне.	69
<i>Г. В. Трубников</i> . Алексей свет Норайрович.	71
<i>Ю. С. Вернов</i> . «Писать об Алексее Норайровиче...»	76
<i>М. Мнацаканова</i> . «Алешенька...»	79
<i>О. Охрименко</i> . «Человек поразительной “сердечной избыточности”...»	81
<i>Б. Вачев</i> . «Я имел счастье...»	83
<i>N. Giokaris</i> . Alexei Sissakian Reminiscences	84
<i>W. Nawrocik</i> . Reminiscence	87
<i>G. Piragino</i> . Alexei Sissakian and His Italian Friends.	89
<i>G. Stratan</i> . Sissakian, Scientist, or Poet? Definitely, Scientist and Poet	91
<i>Н. Н. Прислонов</i> . Щедрость души и преданность дружбе.	94
<i>Т. Бек</i> . Откройте дверь поэзии!	99
Избранные стихотворения А. Н. Сисакяна	104

К 70-летию А. Н. Сисакяна
Воспоминания

2014-15

Редакторы *Е. В. Калининкова, Е. И. Кравченко*
Верстка *И. Г. Андреевой*

Подписано в печать 23.07.2014.
Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 7,8. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 200 экз. Заказ 58304

Издательский отдел Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна Московской области, ул. Жолио-Кюри, 6
E-mail: publish@jinr.ru
www.jinr.ru/publish/